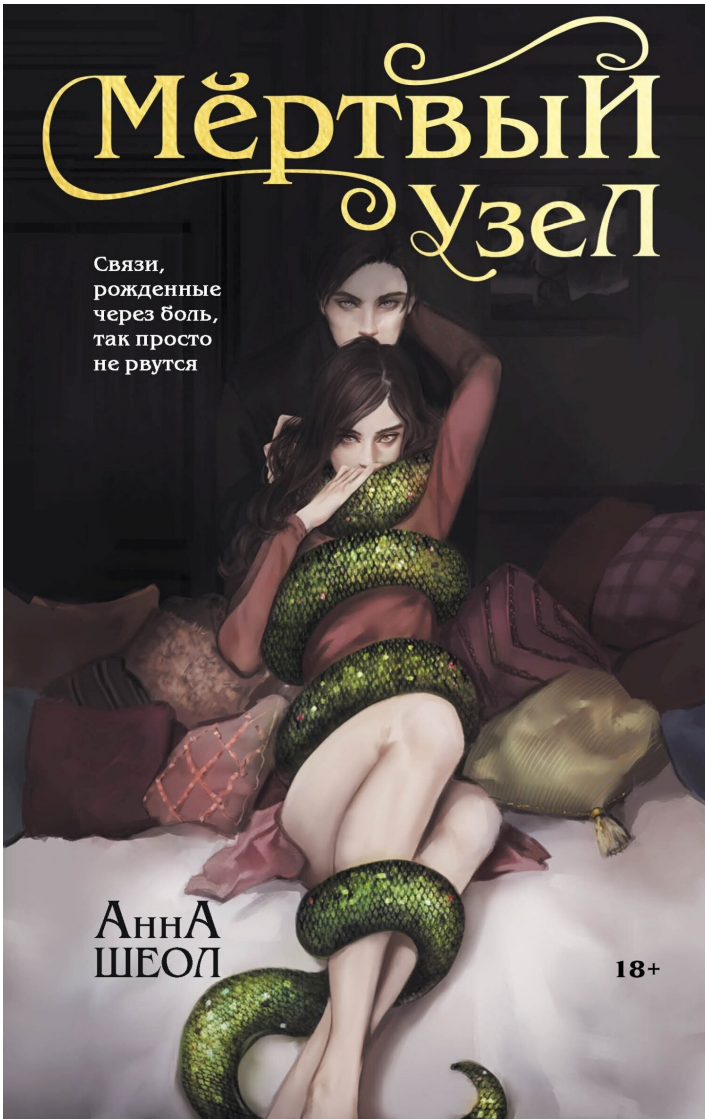

Мёртвый узел

Связи,
рожденные
через боль,
так просто
не рвутся

Анна
ШЕОЛ

18+

Анна Шеол
Мёртвый узел
Серия «Белыми нитями.
О страсти, свободе и лжи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978733

*Мертвый узел:
ISBN 978-5-04-163539-8*

Аннотация

Приятно познакомиться, я Роуз, и мой мучитель известен как владелец самого большого гарема на побережье. Когда я впервые попала в его поместье, иллюзий у меня не было. Но кто мог подумать, что помимо несносного хозяина мне придётся иметь дело с круговоротом интриг и трагических смертей, одной из которых едва не стала моя собственная.

Решила, что узнала все его грязные секреты, Розмари? Подумай ещё раз. Не ровен час, в пыльных зеркалах его особняка найдёшь отражения собственного прошлого, о котором ты не подозревала.

План у меня простой: выжить, не свихнуться, найти правду о событиях двухлетней давности, из-за которых я оказалась здесь. Забыть, что мне хочется тепла, просто человеческого тепла. Любого, хоть какого-нибудь...

Содержание

1	5
2	22
3	35
4	55
5	63
6	80
7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анна Шеол

Мертвый узел

© Шеол А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Западня из света и пустоты

Тьма отступала, забирая с собой оцепенение и тепло. Анестезия утекала из кончиков пальцев, и на ее место возвращался цвет. Звуки и запахи, доносившиеся словно издалека. Сковавшая ребра боль.

Ты лежишь на спине и застывшим взглядом смотришь в окно, распахнутое настежь. Из маленькой спальни с мягкого цветастого матраса видны плывущие по небу облака. Отрывистые и быстрые. Дождь кончился.

Дождь кончился, а вот мой путь в этом мире, кажется, еще не подошел к концу. Это была всего лишь дорога в никуда, запутавшаяся в человеческой глупости, как в петле. Меня накрыло странное чувство: облегчение, смешанное с отчаянием.

Я подняла над головой руку, и маленькое незначительное движение чуть было не отправило меня назад в душный бездонный мрак.

Болью почему-то отдалось в груди, хотя странно, вроде бы там не должно болеть. Я с трудом сфокусировала взгляд на выступающей во тьме обморочно бледной коже. Запястье плотно перебинтовано, схвачено белым и туго стянуто, так что не видно ни плодов моих стараний, ни даже сле-

дов от крови. Я усмехнулась своей нелепости. Видимо, даже вскрыться не могу по-человечески, раз все разрешилось так просто. Бинтик, надо же. И всего-то.

Из-за закрытой двери доносились приглушенные голоса.

Первый был из тех, что на весь остаток твоей маленькой и никчемной жизни приобретает права являться тебе в кошмарах, парализовать и будить. Из-за таких вот голосов ты вскакиваешь посреди ночи в холодном поту и лихорадочно шаршишь по прикроватной тумбочке – где там таблетки успокоительного. Второй был грубый и сипловатый, совершенно невыразительный и незнакомый мне. Он как раз и вынес тот самый вердикт-приговор:

– Сейчас беспокоиться больше не о чем. Я поеду, если у вас не осталось вопросов.

– Не осталось, – сухо подтвердили ему.

Тяжелые шаги, звук закрывающейся входной двери, отчетливо различимый даже со второго этажа в этой хрустальной ночной тишине. Я услышала, как Ланкмиллер выругался почему-то, вернувшись обратно в спальню, но его последние слова заглушила трель его же собственного смартфона.

– Да? Прости, что заставил поволноваться. День сегодня был... не из легких. – Однако. Как резко переменялся его тон, как быстро перестал ранить. – Я и сам хотел тебе позвонить. Нет, боюсь, что вряд ли смогу приехать сейчас. Хотя погоди, это срочно?

Ну и сколько мне понадобилось, чтобы понять, что он го-

ворит там с любимой женщиной? Я что, совсем уже безнадежна, да? В моей прежней жизни на это ушли бы годы, почему сейчас это заняло каких-то пару секунд? Хотя, с другой стороны, вряд ли тут есть хоть что-нибудь удивительное. Это большая редкость – когда он говорит, а тебе не кажется, что что-то внутри гниет от звуков его голоса, от слов, которые он произносит.

– Я не смогу до утра, – Кэри снова отозвался на просьбу, прозвучавшую по ту сторону. – Мне еще нужно оформить кое-какие бумаги, но завтра-послезавтра мы уже все решим. Не переживай, просто потерпи еще немного. Если будут новости, звони мне сразу же.

Кажется, у них там какая-то драма. Странно, образ девушки из эскорта не вязался у меня с дамочкой в беде. Они обычно из тех, от кого другие попадают в беды. Видимо, она сказала ему что-то очаровательное в тот момент, потому что мучитель откликнулся на это с необыкновенной теплотой в голосе.

– Не говори глупостей.

Он может быть по-дурацки милым и это тоже не укладывается у меня в голове, а, скорее, течет ядом по моим венам и отравляет каждую мысль.

Полуночный разговор двух влюбленных закончился, и на какое-то время в доме вновь наступило давящее затишье. Я знала, к чему оно приведет. Мы оба об этом знали. Словно в подтверждение моих слов за стеной снова слышались ша-

ги, скрипнула едва различимо дверная ручка. Занавески наполнились ночной свежестью, набухли, вздымаясь, как паруса, и сразу же медленно опали, едва только Ланкмиллер притворил за собой дверь. Он видел, что я не сплю. Притворяться было бессмысленно.

Мучитель опустился на кровать, а я неохотно приоткрыла предварительно зажмуренные глаза и сразу же уставилась в сторону. Он помолчал немного, потом спросил:

– Ну и чего ты добилась этим, моя хорошая?

– Да уж точно не того, чего хотела... – прошептала я, избегая взглядом его лица.

Нарвалась на еще один тупой вопрос. Какого ответа ты ждешь от меня сейчас?

– Шансы быстро и безболезненно умереть от таких порезов до неприличия ничтожны, – он принялся отчитывать меня такой дежурной бесцветной интонацией, будто я не доела суп или поздороваться там забыла. – Человек может до трех раз терять сознание, а потом вновь приходить в себя. И это только до начала агонии – нечеловеческих мучений, вызванных болью во всем теле.

Это Ланкмиллер пытается напугать меня агонией? Тот Ланкмиллер, который и сам, без каких-либо инструментов способен вскрывать меня на живую?

– Учту твои напутствия к следующему разу, – прерывающимся слабым голосом сообщила я, только чтобы он отвязался.

– Дорогая моя, следующего раза не будет, – Кэри потянулся ко мне, и грудную клетку свело от одного только его жеста. – Я тебя пристегну к кровати вдали от всяких колюще-режущих предметов, и будешь сидеть, – огладил лицо, спускаясь большим пальцем вниз по скуле.

Перестань.

Убери руку.

Меня от тебя тошнит. Я ощущаю себя черной сгоревшей спичкой, брошенной в сырости и покрывающейся плесенью от твоих проклятых прикосновений.

– Принесешь воды?

Видимо, эта просьба вышла настолько жалкой, что он даже иронизировать не стал, молча поднялся и вышел из комнаты. Через какое-то время вернулся со стеклянным стаканом из кухни, протянул мне. Я попыталась приподняться на локтях, но это мужественное начинание как-то не задалось у меня, и я снова неловко рухнула на подушку.

И тогда Ланкмиллер с тяжелым вздохом бережно приподнял меня за плечи одной рукой, поднес стакан к лицу. Я чуть подалась вперед, касаясь стекла губами. Царапнула взглядом по мучительскому лицу случайно, всего на секунду, но он все равно заметил.

– Не смотри на меня так ненавистно. Сижу с тобой и удивляюсь, почему я сам до сих пор тебя не убил...

Это были единственные искренние слова, сказанные им в тот вечер.

Я сделала пару судорожных глотков, а потом, вывернувшись из его рук, уткнулась лицом в подушку, и уже оттуда мрачно пробубнила в накрахмаленную льняную ткань:

– Уйди, пожалуйста. Видеть тебя не хочу.

У Ланкмиллера в тот момент снова очень кстати зазвонил телефон, и он вышел, наконец оставляя меня одну.

* * *

Мы молча сидели на кухне. Словно место взрыва, опустевшая и несчастная кухонька, потерявшая всякий смысл, залитая ярким весенним светом до самого потолка. Тишина между нами казалась мертвой, она оседала по полу белым шумом, касалась плеч.

Кэри допивал свой утренний кофе, а я, отказавшись от завтрака, меланхолично мордой уткнулась в стол.

– Кику, – звон чашки о блюдечко, чистый, совсем не под стать моему хозяину. – Тебе нужно поесть.

– Я не хочу, сказала же, – уныло отмахнулась от него, не удосужившись даже лица поднять.

– Может, тебе напомнить про... – начало гневной ланкмиллерской тирады было устрашающим, но я взвилась в ответ, даже не позволив ему закончить.

– Да господи, пошел ты к черту, почему ты не можешь просто отстать от меня, мне так паршиво, – злобно процедила я в столешницу, попутно демонстрируя не очень прилич-

ный жест.

В ответ послышался новый усталый вздох. Ну ударь меня уже, что ли, мне прям совсем совестно. Ланкмиллер словно уловил мои мысли, сгустил их из воздуха и переставил по-своему, заставив цепенеть от звуков своего голоса.

– Знала бы ты, как я хочу выпороть тебя сейчас. Я так устал от твоих постоянных выходовок.

Я подняла на него глаза, впервые за это утро. И смысл его слов дошел до меня медленно, наложился на его образ в моей голове, на наш... род отношений. Чем бы он стал пороть? Плеткой или рукой? Нет, рукой – это отшлепать, а не выпороть. Думая о том, какие у него руки, я бы, наверное, согласилась на это и добровольно. Кожа пошла мурашками на затылке, будто ее случайно коснулся лед.

До меня вдруг наконец дошло, что я как-то непозволительно затянула со своей негодующей реакцией, в результате я просто устала на него, как идиотка. Надо бы как-то выкрутиться из этого мрачного тупика.

– Устал он, – фыркнула под нос, снова роняя голову.

– Поешь.

Ланкмиллер сказал свое веское решительное слово, встал из-за стола и направился к выходу из кухни. Я угрюмо сопела ему вслед какое-то время, прежде чем все-таки послушаться этих увещаний, не глядя пихая тарелку в микроволновку.

Кажется, я проспала еще несколько часов после этого завтрака. Вернулась неверной походкой в ту спальню наверху, завалившись на кровать, спрятала нос в ладонях и провалилась в сон. Когда проснулась, солнечный свет уже превратился из золотого в медный. Значит, дело плавно клонилось к вечеру.

Я побрела в ванную, умыться и хоть как-нибудь привести себя в порядок, хоть что-то сообразить, прежде чем он вернется. С кривой усмешкой замерла в дверях.

Еще б чуть-чуть, и поселился бы тут мой бранный дух на безвременной основе. Но сейчас уже ничто здесь не напоминало о произошедшем. Следы крови оттерли – пол сверкал первозданной чистотой, и запах моющего средства, густой и едкий, все еще ощущался в воздухе. Дверь тоже стояла целехонька. Но как он ее... Я даже задержала дыхание, когда заметила, ногтями больно впиалась в дверной косяк.

Замочная скважина. Если чуть присмотреться, то вот она, в ручке с внешней стороны двери.

Ланкмиллер и не думал ее выламывать, как грозился, ведь у него был ключ. И то, что мучитель тянул так долго, – было лишь частью плана. Он хотел, чтобы я сама себе поверила. Чтобы сама призналась себе во всем и больше не занималась глупостями. Кажется, он так это называет. «Глупости». Из-

за всех этих мыслей мне захотелось так сильно пнуть бортик ванной, чтобы раздался глухой и далекий гул, но я удержала себя в руках. От этой манифестации праведного гнева больно будет только мне.

К тому же – мне ведь должно быть все равно. И этому чудищу в зеркале тоже. Лохматое и с такими синячищами под глазами, будто накануне имело потасовку с ротой солдат. Ему-то уж точно все равно. И как только Ланкмиллер не ухохатывается при виде меня? Какое-то маленькое жалкое недоразумение, постоянно вызывающее проблемы.

Дверь на этаж хлопнула, выводя меня из раздумий. Попутно расчесывая волосы пятерней, я мгновенно выскользнула из ванной. Для мучителя час еще ранний, а если это какой-нибудь Генрих, то все вообще плохо. Видимо, от нервов в тот момент голова мне отказала, и вместо того, чтобы спрятаться где-нибудь по-тихому, я резким движением нажала на ручку и буквально вывалилась в коридор. И вслед за этим мы замерли, уставившись друг на друга.

Кэри и... Элен Райт, кажется?

Я узнала ее по глазам.словно подсвеченные изнутри. Да, ее глаза были ровно такими, как он о них говорил.

– Здравствуй, – она выдохнула это в воздух удивленно, даже слегка растерянно, и я уже распереживалась, не задела ли ее дверью, пока открывала ее рывком.

Приятный и нежный голос, моментально приковывающий к себе внимание. Сразу вдруг хочется, чтобы она еще что-

нибудь сказала. Кэри устремил на меня многозначительный царапающий взгляд с намеком на то, что кое-кто забыл поздороваться в свою очередь.

– Привет, – я передернула плечами, и тут только заметила нашивку на рукаве ее белоснежной, заботливо выглаженной рубашки.

Пять блестящих звезд на синем бархате.

– Эскорт?

– Точно. Эскорт, – с грустным смешком подтвердила Элен.

Черт. Он ведь мне говорил.

– Ступай в кабинет, – сдержанно велел Ланкмиллер, отпуская ее руку, – дверь за твоей спиной. Я сейчас подойду. – Послышалось негромкое «угу», а потом – звук открывающейся двери. Кэри обернулся ко мне. – Заранее предупредить не вышло, потому я делаю это сейчас. В скором времени она будет жить здесь, с нами. И если вдруг с твоей стороны хоть что-то, даже самое незначительное...

– Стоп, Ланкмиллер. Давай без этого, – я вскинула руки, вновь прерывая его на середине фразы. – Тебе не нужно меня уговаривать и запугивать. Я буду... как ты это называешь, «пупсиком».

– Хорошей девочкой, – почти деликатно поправил Кэри.

– Как тебе угодно, – хмуро буркнула я и, чуть помолчав, добавила: – С чего ты вообще взялся устраивать тут эти ритуальные приветствия со своей любовью?

– Во-первых, вам предстоит жить в одном доме, так что знакомиться бы в любом случае пришлось. А во-вторых, – его голос вдруг сделался слаще, – ты так резко не выпрыгивай больше из спальни, и эксцессов больше не будет, – он проговорил это, чуть сощурившись, а потом вслед за Элен отправился в кабинет.

Я задумчиво уставилась ему вслед. Ну и ну. Мы уже не один день существуем бок о бок, а ты еще не понял, что царапать глазки твоим любовям – штука не для меня? Нам предстоит жить в одном доме? Только не говорите мне, что он и эту девочку собрался купить, как... вещь.

Я даже не успела исчезнуть куда-нибудь из этого злосчастного коридора, как в нем снова появились двое: чопорная дамочка преклонных лет в маленьких острых очках и один из ланкмиллерских охранников. Вместе с ними в воздух просочился тяжелый и душный запах женского парфюма, от которого голова мгновенно начала наливаться тяжестью. Секьюрити проводил даму к кабинету, услужливо приоткрыл дверь и, выполнив этот священный долг, поспешил скорее ретироваться.

Заинтересованная всей этой чертовщиной, вместо того чтобы скрыться куда подальше и не пугать своим видом гостей, я подобралась к подоконнику аккуратно напротив кабинета, чтобы самую малость погреть уши об это неожиданное собрание.

Различить я смогла два голоса. Голос мучителя звучал

уверенно и почти не отражал эмоций, эдакий стандартный деловой тон. Получалось уловить лишь отрывки, что-то про едва ли не крупнейший контракт десятилетия, заключенный благодаря Элен. Услышав второй голос, я даже как-то поморщилась, отползая дальше по подоконнику и вжимаясь в стекло. Дребезжащий и щепетильный, соскальзывающий на высокие тональности, он бил по нервам и по ушам. Собравшись уходить, я даже пожалела Ланкмиллера, которому от этой пытки не сбежать столь же просто, как мне. Но в этот момент дверь кабинета приоткрылась, и оттуда выскользнула ланкмиллерская возлюбленная, бледная, словно мел.

– Выставили, – неловко, словно оправдываясь, она пожала плечами и опустила на подоконник рядом со мной. – Я Элен. Элен Райт. Может, он говорил, но мне хотелось познакомиться... по-нормальному.

– А я... Вообще-то меня зовут Роуз, но Ланкмиллер так представляться не разрешает, так что давай сделаем вид, что я назвалась Кику. – От этого заявления на лице моей собеседницы отчетливо отразилось тревожное изумление, и я поспешила успокоить ее. – Можешь, конечно, попереживать, что тебя тоже одарят дурацкой кличкой, но я бы не стала, ведь обычно здесь так не делают. Кажется, у него ко мне что-то личное.

Она ничего не ответила, уставилась на дверь, гипнотизируя ее взглядом, живым только наполовину. Такими глазами не смотрят в светлое будущее. Значит, все-таки... Господи,

ну зачем.

– Если бы у меня был выбор, я бы не пошла на такое. Я бы ни за что не оказалась здесь, – мой собственный голос показался мне далеким и совершенно чужим.

Элен вздрогнула от его звука. Пожала плечами и выдохнула с обреченной иронией:

– Жаль, что у меня его тоже нет.

После этих слов меня развернуло к ней лицом, я даже локтем больно стукнулась об угол, но все равно, почти даже не замечая этого, в оба глаза уставилась на Райт, так, как будто мне нужны были пояснения. Ей явно не тринадцать лет, и она не в том положении, когда семья может спихнуть за бесценок в «Змеиный зуб». И в конце концов в нашем вольном государстве это запрещено. Да, черт возьми, пояснения бы тут не помешали. Элен поняла это и без слов.

– Моя мать владеет эскорт-агентством. Она позаботилась о том, чтобы я стала лучшей из ее девочек. Идеальная выправка, дорогие шмотки, образование. – Райт вычерчивала пальцем косые зигзаги на подоконнике, говорила с паузами, словно собраться с мыслями было сложно. – Он в первый раз появился полгода назад, это человек из «Змеиного зуба». Их обычно предупреждают о том, что жестокость неприемлема, но, если хорошо заплатишь, они закроют глаза. Этот вообще чувствовал себя всевластным и безнаказанным. Как мы выяснили позже, у него были на то все основания. Он каждый раз выбирал меня, и его желания каждый раз стано-

вились все... изощренные. После таких встреч мне нужно было дня два или три, чтобы просто снова прийти в норму. Когда это окончательно вышло за грань, агентство перестало принимать его заказы. Тогда он разорил его, оставив на грани банкротства. Использовал свои связи и донес до моей матери очень доходчиво, что продать меня – единственный способ спасти бизнес. Предложил очень хорошую цену. Она на это пошла.

Я смотрела на Элен, не отрывая взгляда, пытаюсь уложить в своей глупой ватной башке то, что сейчас услышала. Райт явно еще не оправилась. Для того, чтобы это осознать, не нужно было дара проницательности, даже самого маленького. Пепельно-русые волосы, собранные в пучок, худые нежные запястья, чуть завернувшийся воротник рубашки. У Элен Райт в этой жизни наверняка были друзья, любимая книга, над которой рыдаешь в три часа ночи, фото из отпуска. Она проделала огромный путь, пытаюсь стать кем-то. И оказалась в итоге там же, где и я. В абсолютной тьме.

– Кэри, значит, спаситель в этой истории? Понятно.

Боюсь, едкой сухой иронии в моем голосе было чуть больше, чем полагалось правилами приличия. Элен подхватила эту манеру, отвечая безжизненной усмешкой.

– Они торгуются там. Мать смотрит, кто предложит цену получше.

Что же, на ее нашивке пять звезд, есть над чем поторговаться.

Сможет ли Ланкмиллер предложить столько, что продажная мамашка и думать забудет о своем пропадающем бизнесе? Признался ли он уже в своей огромной и неземной? Понимает ли Элен, что это сделка ставит его под удар? Это все совсем не те вопросы, которые должны меня беспокоить. Гораздо важнее другое.

– Ты можешь просто отказаться сейчас. Просто уйти, и все.

– Нет, – Элен покачала головой. – Я не могу ее бросить, она столько для меня сделала.

– И она заберет у тебя все! Или ты... о черт возьми.

Я уже почти вспыхнула, когда меня настигло это внезапное осознание, и словно окатило ведром ледяной воды. У них это взаимно. Хренова гребаная большая любовь! Ну ясно все.

Моя собеседница снова уставилась на дверь невидящим взглядом, и я больше не трогала ее. Спустилась на кухню и сделала себе чай. Долго сидела над дымящейся кружкой в ожидании, пока остынет, обожгла язык. Думала о том, какая она доверчивая, Элен Райт. И Кэри наверняка не худший хозяин, но все равно жутко хотелось, чтобы он вообще не поднимал на нее руку. Никогда.

Когда я возвращалась обратно, адское парфюмерное варено уже почти выветрилось из коридора, оставляя пространство для свежего воздуха. Значит, переговоры завершены. Дверь в кабинет Ланкмиллера была чуть приоткрыта. Там, у

большого угловатого секретера, стояли друг напротив друга Кэри и Элен. Они о чем-то тихо говорили вполголоса. Он гладил ее лицо.

Я остановилась зачем-то, хотя знала, что мне нельзя. Тот, кто уже на дне, не должен смотреть на них, существовать с ними в одном пространстве. Видеть, как Кэри удерживает ее за подбородок с поразительной нежностью, как склоняется над ее лицом, чтобы поцеловать.

Я вздрогнула, выдыхая упругий и колкий воздух. Он прошел по гортани ожогом, чуть ли не с хрипом.

Помнится, Ланкмиллер не слишком-то жалуется поцелуи в губы. А ведь ее профессия едва ли так сильно отличается от моей. Очнись, он не жалуется лично тебя, что, в общем, неудивительно.

Оставь их наедине, ты совсем уже, что ли?

Я тихо скользнула к себе в комнату и завалилась там на кровать, отдавая себя дремоте и тишине.

Только спустя полчаса в мою маленькую сумрачную обитель явился Ланкмиллер. Он не сказал ни слова. Ни одной гадости, которой можно было бы от него ожидать, ни одного пространного замечания. Лег рядом, прижимая мою спину к своей груди. Поначалу я очень напряглась от такого близкого соседства, конечности стали словно деревянными и скрипучими – не пошевелишься лишний раз и не вдохнешь. Но его тепло успокаивало, и я постепенно расслабилась, понемногу снова проваливаясь в сон.

Он гладил мою ладонь изнутри рассеянными медленными движениями.

– Все оказалось серьезнее, чем ты думал?

– Да.

Он не добавил больше ни слова. Я смотрела за движением его пальцев, размышляя о том, что мы оба сейчас в тупике. Вот только Кэри оттуда выберется. А я останусь, наверное, пока мне руку хоть кто-нибудь не протянет. Но я не Элен, и девочкам вроде меня не положен спаситель. Взгляд с чужих пальцев переместился на опоясывающие запястье бинты. Почему он просто не дал мне сдохнуть.

– Кэри?

– М-м?

– Моя жизнь хоть чего-нибудь вообще стоит?

Он приподнялся на локтях и удивленно взглянул на мое лицо. Потом лег обратно и поудобнее устроил меня в объятиях. Задумчиво потрепал по волосам, выдыхая в затылок:

– Глупенькая ты еще. Не делай так больше.

2

Обратный отсчет

К обеду следующего дня пришла Элен.

Вещей с собой у нее почти не было, только пара любимых книг.

Да и какие тебе вещи, когда ты и сам как вещь.

Сделку по продаже они заключили в Виктории. Всего в часе езды отсюда, от вольного города. В той самой Виктории, от воспоминаний о которой меня пробирала дрожь.

Пока Ланкмиллер продолжал какие-то остаточные разговоры с продажной мамашкой в своем кабинете, Райт проскользнула по-тихому ко мне в спальню. Выглядела она вполне по-человечески, даже немного лучше, чем вчера. Но глаза были все еще потерянные.

– Привет, – она притворила за собой дверь и сразу же прижалась к ней спиной, будто хотела сбежать.

Наверное, с моей стороны невежливо было встретить этот дружественный шаг абсолютным молчанием, но, кроме соболезнований, на ум ничего не приходило, а их я решила оставить при себе.

– Прости, вчера мне показалось, ты не слишком рада тому, что я теперь здесь... – Элен вздохнула виновато и грустно, усаживаясь рядышком на кровать.

– Я просто по жизни не слишком рада. Не принимай это на свой счет.

– Хорошо, – она сложила руки на колени, как примерная ученица. – Послушай, а ты... вы вместе... Какой он в постели?

В первую секунду после того, как я выслушала эту длинную неловкую подводку, меня пробрало на смех, потому что, кажется, свое пребывание в гареме я тоже начала именно с этого вопроса. Но Элен знает, какой он. Она провела с ним ночь, на ней нет синяков. Он целовал ее нежно, брал бережно. Она прекрасно знает, какой он, и у нее нет особенно причин спрашивать, кроме как...

Мне стало не по себе от этих ее вымученных попыток наладить связь и казаться милой. Беседовать с тем, на кого она в обычной жизни и не посмотрела бы. Потому что ему было бы это приятно. Удобно.

– Послушай, послушай, тебе не надо изображать, что ты... – горло перехватило спазмом, – мы не будем подружками, у нас едва ли найдется хотя бы парочка общих тем, но я не против того, что ты здесь. Я не в восторге от всего, что имеет хоть какое-то отношение к Ланкмиллеру, но я не буду пытаться тебя убить. Говорю это, потому что меня пытались. – Я вскинула вверх руку, потому что в какой-то момент меня действительно захватили эмоции, выбили из колеи. Опрометчиво.

Я тотчас заметила растерянный застывший взгляд, прико-

ванный к бинтам на моем запястье.

– Это... – ей не хватило воздуха, чтобы закончить. Или храбрости.

Это то, о чем ты подумала, Элен Райт.

– Да, это уже я сама. Буквально вчера развлекалась.

Я убила в ней что-то живое сейчас. Ее нежное вымученное желание подружиться. И теперь она сидит у меня на кровати, и мне не нужно поднимать глаза, чтобы видеть, что слова застряли у нее в горле. Чтобы знать, что она так и не сможет подобрать нужных, что повисшая тишина затянется, и когда она станет невыносимой, Элен поднимется и уйдет. Молча. И мы больше никогда не заговорим об этом.

Может, мы даже вообще больше не заговорим.

Но Кэри своим появлением разрушил эту выстроившуюся цепочку. Он возник в дверях с чертовски довольной рожей, и Райт вскочила ему навстречу. Еще бы – он уже дважды спас ее за сегодня.

– Элен, милая, как ты смотришь на то, чтобы отпраздновать? – ее обняли за талию, ближе притискивая к себе.

Я с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть от одного только звука его голоса. Мрачно глянула на эту идиллию исподлобья в тайной надежде, что празднования все-таки будут проходить не здесь, но Ланкмиллер поймал мой взгляд, истолковав его как-то по-своему.

– Что? Хочешь присоединиться? – вскинул игриво брови и подмигнул.

– Какой же ты мерзкий тип, – меня, наверное, ощутило перекосило в тот момент, потому что рожа его приобрела еще более довольный вид. Сразу ясно стало: он примерно такой реакции ожидал.

Но это было больше чем-то вроде дежурной колкости, Ланкмиллера на деле куда больше интересовала Элен. Он утянул ее за собой за дверь, в хозяйскую спальню, и я облегченно выдохнула. Мне все еще постоянно хотелось спать. Хотя надежды на сон показали всю свою тщетность уже в первые минут пять.

Как выяснилось, отсюда было превосходно слышно все, что происходит в соседней комнате, будто разделяла нас не стена, а жалкая фанерная ширма. Или у меня слух обострился на нервной почве, или в летней резиденции Ланкмиллера и впрямь большие беды со звукоизоляцией, но я различала все. До шелеста одежды, до самого тихого вздоха. Я не собиралась подслушивать за ними, но маленькая угловая спальенка на втором этаже в считанные секунды превратилась в тюрьму и не оставляла выбора. Я не хотела думать об этом, участвовать в их уединении даже так, косвенно, и все-таки я как будто присутствовала рядом. Подушка, прижатая к лицу, не помогала, мысли все равно лезли в голову. Воспаленные образы, заставляющие стискивать наволочку так сильно, что вскоре перестаешь чувствовать пальцы. Какого черта это так больно, будто на меня опрокинули кипяток?

Гребаный Ланкмиллер страшно бесит меня, с ним невы-

носимо даже просто находиться в одной комнате. Почему мысли о его поцелуях, звуки его голоса из-за закрытой двери жгут словно каленым железом, травят во мне все живое, не оставляя сил?

Заснуть удалось лишь тогда, когда пыл любовных страстей за стенкой поутих, уступая место тишине.

Когда осторожное, едва осязаемое касание разбудило меня, на город уже сползла тягучая медленная тьма, не принося с собой ночной свежести. Я бездумно устала сначала на занавеску, еще хранившую в себе душный полуденный зной, потом на Элен. Ее пальцы на моем плече чуть сжались, видимо, взгляд вышел не из приятных.

– Он просил передать, что ждет тебя в столовой, внизу, – тихо сообщила она. – Спустишься?

– Куда я денусь, – пробормотала сонно, перекатываясь на бок, вспоминая, как управляться с одеревеневшими конечностями, которые словно перестали ощущаться моими.

Какого черта я ему понадобилась, зачем будить? С нарушенной после сна координацией, собирая все углы и дверные ручки, едва не скатившись кубарем вниз по лестнице, я все-таки явилась к нему в столовую. Ланкмиллер был там один, у правого локтя стояла уже знакомая мне аптечка. Он сразу заметил мое появление, не дал освоиться, подышать.

Кивком указал на место напротив себя. Я отодвинула стул, села.

– Ну и видок, – прохладно резюмировал Кэри, окинув ко-

ротким и острым взглядом.

Ему немного времени понадобилось, чтобы вынести свой вердикт. Секунды две. Отпечаток подушки на щеке не оценил. Жаль. Мне кажется, он красивый.

– Я спала, – вялое неохотное оправдание, прозвучавшее, как укор.

– Угу. Давай сюда свои ручки.

Я протянула их почти сразу же, даже не осведомившись зачем. В ланкмиллерских пальцах блеснули ножницы. Он поддел лезвием бинты, плотно прилегающие к запястью, разрезал. Это не сильно-то помогло, они за два дня сваялись, потеряли свой белоснежный идеальный вид, стали какими-то потрепанными. Хуже того, они очевидно прилипли к порезам, поэтому не спешили соскальзывать. Кэри смерил меня предупреждающим взглядом, прежде чем потянуть за край, но я все равно зашипела.

– Ну все-все, – не меняя выражение лица, мучитель подул на открывшиеся раны, так, будто от этого действительно должно было стать легче. Прямо как в детстве.

Я замерла от неожиданности, сбита с толку, но потом проследила за его взглядом, и воздух осел на горле ледяной коркой. Он смотрел на мои порезы. Рубцеваться они еще не начали, но даже так, невооруженным глазом видно было, что шрамы останутся. Ланкмиллер, очевидно, планировал всю эту историю обработать и перевязать, но удивительно, что он вообще обо мне вспомнил, с такими-то страстями на личном

фронте.

– Я могла бы сделать это и сама, – начала свои хмурые бурчания, пытаясь высвободить запястья, но он не выпустил.

– Ты уже сделала с собой кое-что сама, – сжал мои ладони в своих, глядя мне в лицо, очень прямо. – Давай остановимся на этом.

«Почему ты просто не дал мне закончить?» – именно этот вопрос я хотела задать ему, но не смогла, он лишь застрял у меня в горле вместе с воздухом, своим ядом отравляя меня саму. Ланкмиллер уже проходил через это когда-то, и я заставила его вспомнить.

– Мы скоро возвращаемся домой, в Шель. Но рядом со мной в ближайшее время будет беспокойно, – он выдержал паузу, отворачиваясь к окну. Снаружи было темно и тихо, словно все пространство заволочло чернильным войлоком. Только точки далеких фонарей, и все, – поэтому я принял решение тебя отослать, – Ланкмиллер закончил фразу и замолчал, наблюдая за реакцией.

Я выплюнула из себя глухое и безучастное, чтобы долго не мучить его:

– М-м, ясно...

– У Феликса не лучшие условия для содержания дам, – запах перекиси разлился в воздухе, вата зашипела от прикосновения к открытой ране.

Я едва не прыснула на этом моменте, подметив про себя, как ловко и деликатно Ланкмиллер замаскировал чертов

гейский гарем. «Не лучшие условия для содержания дам», надо же.

– Но зато готова Алисия.

Чудно. Я отстраненно подумала, что наигрался он довольно быстро. Но мне это только на руку. Не видеть каждый день его рожу.

Я проблемная, ему жутко рядом со мной. К тому же сейчас, когда у них с Элен другие невзгоды, ему не до моих срывов. Решил спихнуть на сестру.

– Чтобы, когда это снова произойдет, тебя не было рядом? – Я все-таки сказала ему нечто настолько мерзкое. Не поднимая взгляда от своих рук. Но все, что он собирался донести до меня по этому поводу, я почувствовала и так. Даже воздух в комнате переменялся, кровь отхлынула от лица.

– Ты не поступишь так с ней.

По его интонации очень сложно было разобрать, чем это было: вопросом, просьбой или угрозой. Но я все же склонялась к последнему.

– Наверное, ты прав. Ты причиняешь боль всему, к чему прикасаешься. Но делать сестру жертвой твоей безответственности не хотелось бы.

– Все вы, малолетки, такие пафосные? – фыркнул Кэри.

Мне стало смешно от того, что он обозвал меня малолеткой, сразу захотелось выдать ответную колкость про его грядущий тридцатник, но по тому, как он смотрит мне за спину, я поняла, что мы больше не одни в столовой.

– Я... помешала? – ее растерянный тихий голос напомнил о том, как неловко быть здесь, существовать в этом пространстве, которое внезапно схлопнулось до таких размеров, чтобы вмещать только двоих.

– Нет, что ты. Элен, солнце, сделаешь мне чай?

– Конечно.

Она как раз насыпала заварку в чайник в тот момент, когда снаружи отчетливо послышался шелест шин.

– У нас что, гости? – Райт усмехнулась себе под нос, но шутка прозвучала зловеще.

За время обитания здесь я уже привыкла к тому, что элитный спальный район – исключительно пешеходная зона. Самой недавно пришлось топтать в ночи несколько кварталов, чтобы вытащить кое-кого надравшегося из клуба. Поэтому теперь, когда мы явственно слышали звук, который не должны были, это означало только одно – что-то пошло не так.

– На пол!

Даже то, что Кэри сообразил быстрее всех, все равно его не спасло. Осколки разбитого стекла брызнули на паркет, заливая столовую мелкой и острой пеной. Оглушительный звон отдался эхом где-то в затылке, и с этого момента дополнительные указания были уже излишни, я опомнилась, только когда обнаружила себя под столом, ниже уровня подоконника. Когда звон стекла резко стих в дребезжащем воздухе, на какую-то секунду подумалось, что я оглохла.

Кто-то стрелял по окнам, и он попал, куда целился. Я по-

няла это, только когда наткнулась взглядом на Кэри. Мучитель сдавленно выругался сквозь зубы, зажимая пальцами плечо. По белоснежной ткани его рубашки стремительно расплзлось темное пятно крови.

Ланкмиллер даже не заскулил, с губ и стопа не сорвалось, только дышать стал глубже и тяжелее. Элен что-то прошептала бескровными губами. Кажется, его имя.

В тот момент мы все замерли, точно ожидая чего-то непонятно страшного, и тогда в столовой наконец появился Генрих.

– Вам нужно спуститься в убежище, – непоколебимым тоном заявил начальник охраны, ногой отпихивая придверный коврик и дергая за кольцо в полу. Крышка откинулась под его напором, открывая проход в погреб, или подвал. – Оставайтесь там, мы обо всем позаботимся.

Да, но кто позаботится об этом? Я с большим сомнением окинула взглядом рукав ланкмиллерской рубашки, который стремительно тяжелел и темнел от крови. Мучителю бы в больницу сейчас, а не по подвалам шариться, иначе этот погреб рискует стать ему моргом. Судя по тому, что Кэри препираться не стал, он доверял своему начальнику охраны безоговорочно. Когда я спускалась вслед за ним, оступилась в темноте всего за несколько ступенек от пола, на него же и упала, тихо чертыхнувшись. Уже и так палец умудрилась поранить в этих осколках. Теперь еще и коленка. Полный набор.

Лестница вела в маленькое помещение, сумрачное и пыльное, похожее на заброшенную гостиную с диваном и парой кресел. Нужно было нечеловечески презирать книги, чтобы хранить их в таком месте, потому что теперь каждая из них отсырела. Целая, мать его, библиотека коту под хвост.

– У твоих ухажеров, Лени, – досадливо протянул мучитель, падая на диван, – весьма любопытные способы приветствия.

Он пытался геройствовать, казаться невозмутимым, хотя его голос тона на два понизился от боли. Что-то он задел своими словами, потому что Элен за две жалкие секунды из бледной и перепуганной девочки превратилась в существо демона, способного задать основательную трепку самому Ланкмиллеру.

– Кэри, ты знал, что так будет?! – Райт сгребла в охапку его рубашку, склоняясь ближе к лицу. – Когда ты ввязывался во все это, ты предполагал, что... Что все придет к этому?! Что это подвергнет тебя опасности?

Голос дрожащий, прерывающийся от возмущения и тревоги, наводил неподдельный ужас. Кажется, мучитель наконец получил в свой гарем того, кто вполне способен заставить ходить по струнке его самого. Мне пришлось вмешаться на том моменте, потому что я всерьез испугалась за уже и так пострадавшее ланкмиллерское здоровье.

– Элен! Элен, ты бы... не тормошила его так, а то...

Видимо, чужой голос слегка привел ее в чувство, потому

что запал она свой растеряла, выпустила из пальцев ткань рубашки и, отползая на подлокотник, пробормотала тихое беспомощное:

– Прости.

– Я знал. Расслабься, солнце. Если бы они действительно хотели отправить меня на тот свет, я бы уже давно был трупом.

И эту фразу позволяет себе тот человек, который пару минут назад пытался обозвать меня пафосной малолеткой?

– Кстати о трупах. – Я подобралась к нему, уже отодрав бинт с одного из своих запястий. – Поменяемся местами теперь? Давай сюда свою ручку, – не смогла удержаться от мстительных ноток, проступивших в голосе.

Кэри вопросительно приподнял бровь.

– Уверена, что это не убьет меня быстрее?

– Ой, издевайся над кем-нибудь другим, пожалуйста, – зло огрызнулась я, на секунду оборачиваясь в его сторону. – Знаешь, помощь не нужна тебе? Ну тогда истекай кровью. Только, пожалуйста, молча.

Еще пару злющих эпитетов мне помешало подобрать тот факт, что Генрих в своем боевом режиме обретался где-то наверху, совсем недалеко от нас. Благо Ланкмиллер наконец заткнулся и позволил себе помочь.

Я перетянула рукав, тяжелый от крови, чуть выше места ранения, чтобы остановить ее. Не знаю, медик из меня так себе, если и поможет, то только чуть-чуть. И ненадолго.

Ланкмиллер до смерти пугал и меня саму своей серой рожей. Он прекратил препираться со мной, только потому что у него не осталось сил. Воздух вокруг него был заполнен густым металлическим запахом, который сворачивался комом в горле – не продохнуть.

Закончив, я отковыляла в угол, подальше от мучителя, чтобы не смотреть на него, не видеть, как на подлокотнике спиной к нему, сгорбившись, сидит Элен. Но в наступившей тишине все равно отчетливо слышался прерывистый тяжелый звук его дыхания, как бы намекая, что пространство замкнутое и нам друг от друга не сбежать.

Н-да, Ланкмиллер ту еще компанию собрал у себя на смертном одре: девочка из эскорта, девочка из борделя – одни блудницы. В такой компании и помирать как-то не людски. И ты не знаешь, что тебе считать, чтобы занять растревоженный разум: минуты или эти хриплые вздохи. И то, и то казалось невыносимым. Почти вечность прошла, прежде чем этой пытке положили конец.

Крышка люка скрипнула под лапищей начальника охраны, пропуская внутрь медиков. Помещение мгновенно наполнилось холодным острым запахом дезинфекции. Мне показалось, что внутри, как кусочек льда, плавится, истлевает что-то, что едва не задушило меня своей тяжестью всего секунду назад.

3

На исходную точку

Оставшиеся указания Ланкмиллер раздавал уже из машины «Скорой помощи».

– Генрих, отвезешь ее к Алисии, да, прямо сейчас. Нет, тебе не будет разумнее остаться со мной, речь идет о моей сестре, так что это на тебе. Отправишь со мной Оливера, и кто-то должен остаться в доме с Лени.

– Ясно, – сухо отозвался начальник охраны, хотя видно было, что его подмывает возразить, что здесь его присутствие нужнее.

Свет фар расплывался в лужах золотистой ряской, подрагивая. Стоя чуть поодаль, глубже во тьме, я наблюдала за ним пустыми ничего не выражающими глазами.

– Кику, – льдистый и жесткий голос хозяина вогнал под кожу пару заноз, так что я поежилась невольно от его звука. – Алисию слушаться, как меня, она будет передавать тебе мои приказы. Если поступит хоть одна жалоба, отправишься на свое старое место в гарем. Выдай ей телефон для связи, – последняя фраза относилась, очевидно, к Генриху. – Удостоверься, что нет слезки. Если будет, примешь меры.

Дальше я почти не слушала его, не подошла, чтобы попрощаться, даже головы не подняла.

Мне не хотелось почему-то на него смотреть. Хотелось упасть в черный омут салона, на пассажирское сиденье, и ехать в темноте долго, провожая взглядом цепочки придорожных фонарей, дрожащих в сумраке.

Меня возвращали в Шель, домой, если можно так выразиться. Если на земле было место, которое я могла назвать домом.

Генрих оказался попутчиком не из разговорчивых. Ну еще бы. Из меня бы тоже сейчас собеседник не вышел. Думала, что смогу хотя бы поспать в дороге, но это новое паршивое чувство незащищенности не позволило сомкнуть глаз. Если сползти по сиденью вниз, станет видно месяц. То, как он плывет по небу между деревьями и иногда паутинка из облаков сползает, обнажая его края. Тьма вокруг него казалась бездонной и бесконечной, будто утро не должно было наступить после этой ночи. Я снова оказалась в мире, где ты не контролируешь ничего, и даже привычная перепалка с мучителем на светлой кухне может закончиться тем, что тебя везет по пустому шоссе мрачный начальник охраны, выжимая под сто километров в час.

Мы очень быстро оказались на месте благодаря этой его скоростной езде.

– Приехали, – по-солдатски коротко объявил Генрих, останавливаясь напротив дома.

В темноте вряд ли можно было рассмотреть его как следует. Едва машина затормозила, на крыльце вспыхнул свет,

розовый, земляничный, а секундой позже по ступенькам во двор сбежала Алисия.

Она выглядела иначе, чем тогда на приеме в банкетном зале, в тоненьком летнем платье, босиком почему-то, она казалась очень уязвимой сейчас.

– Кику, давно не виделись, – налетела на меня, обнимая за плечи, и так же быстро отскочила в сторону. – Как ты? Как он? С ним все в порядке?

Я уже набрала в грудь воздуха, но, осознав, что вопросов слишком много, и вряд ли я в своем состоянии потяну их все, выдохнула беспомощно. Выбрала самый важный.

– С ним все в порядке. По крайней мере, когда мы расстались, командовал он довольно бодро.

– Я говорила с ним по телефону недавно, но знаю, что он мог соврать мне. Поэтому спрашиваю. Прости. Я сделаю тебе чай. – Как-то слишком много всего и сразу, я не успевала за Алисией и ее быстрой сменой тем. Времени сориентироваться мне не дали, ланкмиллерская сестренка заметила что-то за моим плечом, вытянулась. – Там Генрих?

– Да, он...

«Привез меня», – хотела добавить я, но в этом было очень мало смысла, потому что, едва расслышав мое вялое подтверждение, Алисия бросилась к начальнику охраны и повисла у него на шее, кончилось это неожиданно горячее приветствие поцелуем, чем очень сбило с толку меня.

Так они, что... они... Вот даже как. Я отвернулась, как

только в голову пришла мысль, что пялиться некрасиво.

Из всех чаепитий в моей жизни это было самое неловкое. Казалось, они давно не виделись, и теперь сидели, буравя друг друга взглядами в абсолютном молчании, и тишина стояла такая, что слышно было даже дыхание. Очевидно, Генрих не хотел говорить о произошедшем, чтобы еще больше ее не расстроить. Лис не могла говорить ни о чем другом. Непринужденной атмосферы не вышло, тут не знаешь, плакать или смеяться от этих напряженных взглядов, полных отчаяния. Дождавшись, пока содержимое моей чашки хоть немного остынет, я опрокинула его в себя, не ощущая вкуса. Алисия от резкого движения встрепенулась.

– Я постелила тебе наверху, в гостевой спальне. Если нужно будет что-то, ты обращайся.

С величайшим облегчением я приняла этот дар Вселенной, эту возможность исчезнуть из-за стола. Неживым голосом, звучащим жутко от попыток вложить в него эмоции, я поблагодарила ланкмиллерскую сестренку и поднялась наверх, в указанную мне спальню. Запах свежего белья – это все, что я могла сказать о ней, потому что свалилась ничком на кровать сразу, как переступила порог. Нервное напряжение дало о себе знать, отключая во мне все системы, и даже не дотянувшись до выключателя, я провалилась в сон.

Утро щекотало нос солнечными лучами. Я проснулась в этом бассейне света и долгое время не могла понять, где нахожусь. Комната была непохожа на строгую спальню гарема,

впрочем, винтажностью домика в Анжи здесь тоже не пахло. От пола до потолка спальню наполняла куча очаровательных мелочей вроде плюшевого кролика на тумбочке у окна и пузатой вазы с подсолнухами, матовой от тонкого слоя пыли. У кровати валялась сумка с вещами, собранная вчера наспех. Не помню, чтобы брала ее с собой, значит, кто-то принес, пока я спала. А еще этот кто-то открыл окно, и теперь оттуда тянуло свежестью. Если вдохнуть по-настоящему глубоко, то кроме скошенной травы, различишь едва уловимый аромат корицы и имбиря. Так пахла Алисия. И ее запах исходил от моей подушки.

Я резко села, тяжело выдыхая воздух. Жуткие замашки этих Ланкмиллеров не перестанут пугать меня до чертиков. Хотя в остальном здесь было довольно мило. Атмосфера не такая давящая, как рядом с Кэри. Прежде чем спуститься вниз, я воспользовалась ванной в соседней комнате, привела себя в порядок, переоделась в чистую одежду.

Алисия была внизу, сидела на широком белом диване, завернувшись в плед. Что-то печатала на ноутбуке.

– Доброе утро! – вскинула голову на звук шагов по лестнице. – Завтракать будешь? Там есть кое-что на столе.

От нее исходило большое обнимающее тепло, рыжие кудри светились на солнце, и сложно было поверить, что утро вроде этого, простое и тихое, наступит после такой длинной и страшной ночи. Я рассеянно кивнула ей и уставилась в указанном направлении. На столе стояла тарелка с парой бутер-

бродов и фруктами.

Я долго пялилась на них сонными глазами, соображая, голодная ли.

– Поешь, – подбодрила Алисия, пересаживаясь ко мне за стол, заставляя поежиться, потому что в тот момент очень напомнила своего брата.

– Ты... приходила ко мне в спальню? – Я все-таки схватила бутерброд с тарелки, чтобы не делать это взаимодействие совсем уж неловким. Должно быть в нем хоть что-то простое и человеческое.

– Проверить, как ты. Надеюсь, не разбудила, – она смутилась от моего вопроса. Значит, все поняла. Некоторое время мы молча сидели друг напротив друга, слышно было только, как доходил поставленный к завтраку чайник. Потом Алисия снова набрала в грудь воздуха. – Какие планы на день?

Почему-то все ее попытки начать разговор казались какими-то вымученными и несчастными, прямо как у Элен.

– Какие у наложницы могут быть планы на день? – отозвалась я с унылым вздохом.

Она не хотела, но вопрос в целом прозвучал, как издевка, вызвал мимолетную усмешку, сделал все еще более неловким, чем было до.

– Знаешь, тебе необязательно все время торчать дома. – Она вдруг подалась вперед, и солнечный луч соскользнул ей на лоб от резкого движения, запутался в волосах. Я от неожиданности отпрянула, и стул подо мной скрипнул, чуть

было не опрокинувшись. Поэтому смысл ее слов дошел до меня секундой позже, когда я с облегчением поняла, что все еще держу равновесие.

– Правда? В смысле... Я правда могу выйти куда-нибудь... по своим делам?

– Я думаю, жизнь в четырех стенах никому не пойдет на пользу, – мне ответили широкой улыбкой. – Но ты должна вернуться до темноты. И еще не забывай про браслет. Если вдруг попытаешься снять, разбить или окажешься, где не нужно, об этом сразу узнает Генрих.

Я слабо усмехнулась в кулак, от мысли, что Генрих в этой семье все равно что чудовище из фильма ужасов. Его имя произносят с трепетом. И он, конечно, далеко сейчас, но часть ланкмиллерской охраны в любом случае осталась в городе, так что стоит принять в расчет это предупреждение. Тихо поблагодарив за завтрак, я выскользнула из-за стола, решив воспользоваться возможностью сразу же, не откладывая, не ожидая, пока Алисия передумает.

Милый садик, зелень в котором словно вскипала, поднималась в воздух дымом, густым запахом начала лета, земли и пряных цветов. Укрытая плющом стена восточного флигеля, калитка. Я стояла минут пять кряду, оказавшись за ней, соображая, укладывая в голове тот факт, что я одна, что, пока солнце не утонуло в почерневшем море, я впервые за долгое время могу идти туда, куда бы мне хотелось. Не по чьему-то приказу.

Хотя, наверное, я слишком бурно радуюсь для того, кому и пойти-то некуда. Разве что только пробежаться разок до «Шоколада», проведать знакомых с кухни. Услышать звук собственного имени, оставленный в прошлой жизни.

Район, в котором жила Алисия, был совершенно незнаком мне, но, когда долго живешь в прибрежном городе, учишься ориентироваться по ветру. В это время года он почти всегда дует со стороны залива. Выйдешь к морю – быстро найдешь все остальное.

Затхлый запах застоявшейся в заливе воды ударил в лицо, едва я ступила на брусчатку набережной. Облезлые, черно-белые от мазута чайки кружились над морем, периодически касаясь его поверхности, почти не поднимая брызг. Я отмерила глазами расстояние до пристани: около часа пешком. Потом вверх по прямой, и дальше не ошибешься. «Шоколад» в той части города был центром притяжения, и все дороги вели туда. Не то чтобы мне просто далась эта длительная прогулка, но бледная стена с проплешинами грибка под самой крышей из-за дождей, стайка бродячих кошек, которых тут подкармливали объедками, все это вдруг показалось таким знакомым, вернуло меня в реальность, напомнило, что живу. Сидя на полу в ланкмиллерской ванной, я почти потеряла это ощущение. Мир без цвета и запаха – в таком непросто существовать.

С кухни раздавались звонкие крики Зои, пытавшейся отладить как всегда расшатанный механизм работы. Секун-

ду спустя она выскочила в зал, поправляя передник и высматривая новых посетителей. Но вместо этого взгляд ее наткнулся на меня и замер.

– А ты чего бездельничаешь? И почему без формы?

Она бы, наверное, без заминки перешла к чему-то более крепкому из ругательств, если бы я не прервала ее, слегка вскинув брови.

– Зои?

– Ох, Розмари! – она сильно хлопнула себя по лбу. – Прости, это все старые привычки. Чертовски неожиданно тебя здесь видеть. А где?..

– Его нет со мной, – я знала наперед, про кого она спросит. Не было нужды выслушивать до конца. – Его даже в городе сейчас нет. Только я.

Зои нахмурилась на секунду, прикидывая что-то в уме, потом энергично кивнула мне.

– Пойдем за столик, поговорим.

Мы разместились в глубине зала, ближе ко входу в бордель. Там, где ты не попадаешься на глаза ни посетителям, ни начальству.

– Чувство такое, что целую вечность тебя не видела. Ну и как ты здесь, рассказывай. Как жизнь в гареме?

Я покосилась на свои забинтованные запястья и тут же спрятала их под стол.

– Весело. – Я знала, что она хочет услышать в ответ. Рассказчик из меня так себе, но надо было как-то выкручиваться.

ся. Если управляющая не получает, чего хочет, с ней невозможно становится разговаривать. Это очень быстро начинает походить на допрос.

– Почему одна?

– Меня отослали, – мягко улыбнулась я, смотря в стол точно перед собой. До последнего не знала, что почувствую, когда наконец скажу это. Не знала даже, моя ли это улыбка. – У Ланкмиллера новая большая любовь и вместе с ней, кажется, большие проблемы. Он взял к себе девочку из эскорта, за которой уже таскался какой-то ненормальный из «Змеинового зуба». Его не особо устроил такой расклад, так что вчера ночью ланкмиллерский дом в Анжи обстреляли, ему самому попали в плечо, так что чуть не сдох. Там сейчас не до меня, поэтому...

Знай Кэри, как я беззастенчиво вывалила первому встречному детали его личной жизни, при этом так ловко умолчав о своей, он бы наверняка воплотил в жизнь одну из тех многочисленных угроз. Возможно, она бы даже включала в себя Генриха.

Зои уже открыла рот, приготовившись основательно высказаться, как к нашему столику подскочила худенькая официантка, видимо, из новеньких.

– Пятый столик жалуется, просит менеджера.

Судя по голосу, пятый столик уже изрядно ее довел.

– Скажи, что сейчас подойду! – Зои закатила глаза, жестом отсылая девочку обратно, и неожиданно переменялась

в лице. – Слушай, Роуз, раз такое дело... А ты бы вернулась? Вернулась к нам? Я могу поговорить с Чейсом насчет тебя. Честно, рук не хватает, мне толковые работники нужны.

– Вряд ли он захочет связываться со мной после того раза, как его отмудохали ланкмиллерские охранники. – Мое и без того слабенькое человеколюбие не распространялось на Чейса, поэтому в голосе невольно просквозила усмешка.

– Роуз, ты его знаешь, – управляющая отмахнулась от этого довольно энергично. – Его привлекает все, что пахнет выгодой. согласишься на минимальную ставку, и он будет счастлив взять тебя. Не тратиться ни на еду, ни на содержание. Ты сейчас буквально работник его мечты, и ради этого он забудет о своих синяках с великим удовольствием.

Я уже втянула воздух, чтобы ненавязчиво уточнить, каковы, собственно, мои плюсы в этой ультравыгодной сделке, но заткнулась, не сказав ничего. Вспомнила.

В «Шоколаде» обреталась разная публика, в том числе и те, кто вполне мог справить поддельные документы, многих я хорошо знала, вопрос был только в цене. Для официантки ценник был неподъемный, но я откладывала понемногу, пока еще работала здесь.

Из-за гребаного Ланкмиллера все это накрылось медным тазом, но... Я ведь сама сказала очень обнадеживающую вещь пару секунд назад: ему не до меня сейчас. Вполне можно и вернуться к этим планам. Только надо будет что-то решить с браслетом.

– Хорошо, – кивнула, поднимаясь из-за стола. – Ты поболтай с Чейсом, а я загляну завтра, узнаю, что и как.

Чтобы больше не отвлекать управляющую, я тихо выскользнула из зала, стараясь побыстрее миновать пятый стол.

Не будем обманывать себя, Зои подняла эту тему, скорее потому что ей хотелось узнать сплетни из гарема, чем потому что она страдала альтруизмом или отчаянной нехваткой рабочих рук. Но это было не так уж важно.

Я устало вздохнула, свешиваясь с железных и оттого ледяных перил набережной. Пока слабые лучи не попадали на воду, море даже казалось красивым: большая темная вода, идущая рябью. Но едва тучи рассеивались немного, в солнечном блеске отчетливо проступали грязные масляные разводы. Ты стискиваешь в пальцах хлопья ржавчины и вымученно признаешься себе, что да, копить в прошлый раз получалось совсем не за счет чаевых. Если я вернусь к своей старой подработке, Ланкмиллер убьет меня. И похоронит на том же месте. Да дело даже не в нем, от одной мысли, что придется браться за старое, прошибает пот. Будто кожа греется изнутри, и начинает тошнить.

– И что это тут делает такая очаровательная барышня? Грустит одна? – послышалось за плечом, заставив вздрогнуть.

– Я не... – подняла голову, собираясь мрачно отшить мужика, как вдруг увидела знакомые черты лица и задохнулась,

даже не осилив с первого раза его имени. – М... Марко! Не пугай меня так, ты же знаешь, до чего может довести знакомство в таких районах.

– Тогда, может, тебе не стоит гулять в таких районах... одной, – он ответил усмешкой. – Ты снова сбежала, что ли?

– Нет, не на этот раз. От него не сбежишь особо... – Я повернулась к морю спиной, искоса поглядывая на своего собеседника и спасителя. Появился из ниоткуда и сразу как старый друг.

– Я смотрю, жива-здорова. Сильно попало в тот раз?

– Можно сказать, повезло, – уклончиво ответила я. Сводить эту болтовню к Ланкмиллеру не хотелось. – Совсем не ожидала увидеть тебя здесь. Виктория отсюда далековато. Какими ветрами занесло?

– По делам. Встреча кое с кем... не очень приятным.

Ну да, в этом районе города не может быть приятных встреч.

Ветер, насквозь просоленный, ударил в лицо, заставив закашляться. Я порывисто вздохнула. Ну давай уже. Сколько ты будешь бегать от самой себя.

– Слушай, если ты не занят... У меня есть тут одно небольшое дельце. Проводишь?

– Да не вопрос.

Выющаяся дорожка между скал спускалась в рыболовецкий прибрежный район. Вдоль нее тянулась покосившаяся изгородь, отделявшая от обрыва, низкая, едва достававшая

до колен. Идешь, и пыль с обочины вздымается в такт твоим шагам. Темная предзакатная медь пробивалась сквозь листву над самой головой. Тихо было, словно все умерло, кроме сверчков. Я была уже не так уверена, что успею вернуться к Алисии до темноты. И что она сделает в качестве наказания, пристегнет меня к батарее? Человек, которому в голову приходят такие идеи, вполне это заслужил.

– Куда мы идем? – Бьянки как будто невзначай это спросил.

На самом деле в таком смятенном состоянии я не могла ни болтать без умолку, ни притворяться, что слушаю, и это настораживало его немного. Пришлось остановиться, чтобы справиться с силами. Признаться в этом наконец. Я взглянула на своего спутника, до последнего неуверенная, что осилю простые слова. Что у меня не вырвется в решающий момент какая-нибудь простая бесполезная ложь. Но нет. Голос слышался глухо, словно доносился издалека.

– В мой старый дом.

– Зачем? – Марко выглядел так, будто он основательно опешил.

Еще бы, все ведь знают, как это обычно происходит.

Если обстоятельства складываются так, что ты оказываешься по ту сторону и оставляешь родной дом, вряд ли тебя там ждут. Ты для них навсегда большое место, о котором предпочтут забыть.

Это был хороший вопрос. Зачем? И я не могла на него

ответить. Что я рассчитывала там увидеть? Снова эти глаза? Гладь ночного тихого моря, в которой из человеческого только ненависть. Мне ведь даже ответить нечем. Кем я стала за эти четыре года, наложницей в ссылке? Это не совсем тот род людей, о которых обычно грустят.

– Ладно тебе, пойдем, если так нужно. Если ты чувствуешь, что должна. – Его теплая ладонь коснулась моей, заставив вздрогнуть.

Он избегал прикасаться ко мне тогда, в Виктории. Что закон, что этикет запрещают трогать чужих наложниц. Должно быть, выглядела я жалко, раз Марко наплевал на то и на другое. И я была жутко благодарна ему за это.

Безлюдные улочки, крики чаек, солнце, почти потонувшее в мглистом иле. Дома из песчаника, жмущиеся друг к другу. Мой был через два поворота направо, первый. От него тянуло запахом выпечки: тмин и лук, только что взошедшее тесто.

Худая бледная женщина появилась на крыльце со свежей стиркой, принявшись развешивать простыни. Остановилась, чтобы помахать детям в окошке. Я стояла на другой стороне улицы, не двигаясь с места, сживаясь с осознанием, что это больше не мой дом.

Чья-то чужая счастливая жизнь. Жизнь, которая мне никогда не светит.

– Может, спросить у них, куда делся предыдущий хозяин дома? – неуверенно предложил Марко, и я тут же замотала

головой.

– Нет-нет, не нужно. Я хотела просто... посмотреть на него еще раз. Не знаю зачем. Мне все еще кажется, что я не вспомнила что-то важное. А предыдущий хозяин, уверена, едва ли ищет встречи.

Если посмотреть на вещи отстраненно, я даже рада, что у места, где прошло мое детство, появилась вторая жизнь. Что дом не стоит заброшенный и пустой. Это означает, что страница перевернута, и время двигаться дальше.

Марко купил нам пирожков в закрывающейся булочной, и мы съели их молча, сидя на пустынном галечном пляже, глядя, как черная морская гладь подергивается алым. К горизонту уже стягивались тучи, обещающая очередную дождь. Может, даже опять с грозой, недаром все вокруг будто вымерло и тишь стоит такая, что слышишь собственное дыхание.

Я поднялась, отряхивая песок с юбки. Марко вскочил следом, видя, что собираюсь прощаться, и неожиданно обнял, прижав к себе.

– Завтра меня уже здесь не будет. Уеду ночью, – отстраняясь, пробормотал неловко, будто искал себе оправданий.

– Спасибо, что составил компанию. Отсюда не провожай меня, ладно?

Не провожай меня, иначе я разноюсь в твою жилетку, я все это неизбежно испорчу и оставлю в твоей душе этот комок из беспокойной горечи, от которого ты долго потом еще не сможешь избавиться. И тебе это не нужно совсем, я знаю.

Конечно, у меня не вышло вернуться засветло. Было довольно опрометчиво с моей стороны рисковать вот так, потому что, может, мне теперь вообще не разрешат выходить. В окнах первого этажа горел свет, а судя по скачущим отблескам на занавесках, работал и телевизор.

– А, привет, Кику, – радостно помахала Алисия, едва заметив меня на пороге, – я уже хотела звонить охране, думала, ты потерялась. Что-то произошло? Замерзла? Ты хочешь чаю? Или чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – я покачала головой, не зная, как отвечать на ее вопросы, раз их так много.

– Ну хорошо. Тебе очень повезло, что ты успела вернуться до его звонка. Вот возьми, это теперь твое.

Меня пугала ее манера говорить скороговорками, из-за которой половина информации проскальзывала мимо меня. Но последние фразы стукнули прямо в лоб. Я опустила глаза на ее руки – посмотреть, что мне дают. Она протягивала телефон. Ланкмиллер, кажется, что-то говорил про него, но звонить он мне вряд ли будет.

– Я пойду наверх, хорошо? – Я взглянула на ланкмиллерскую сестренку неуверенно, все еще ожидая нотаций или чего-то хуже.

– Если что-то нужно будет, скажи, – Алисия боднула меня в плечо с озорной усмешкой. – Я приду к тебе чуть позже вечером.

Мне не стоило уточнять зачем, это и без дополнительных

пояснений прозвучало зловеще. Поэтому я просто кивнула и взбежала вверх по лестнице на одном дыхании.

Странная мелодия заставила замереть на последней ступеньке, из-за чего я чуть не рухнула обратно от неожиданности. Только секундой позже осознала, что это в кармане звонит поспешно отправленный туда телефон, пришлось доставать обратно плохо гнущимися пальцами.

На экране высветилось «хозяин». У меня перехватило дыхание от этой надписи, поэтому ответила я не сразу.

– Хотел что-то сказать мне? – произнесла я с мрачной усмешкой, закрывая за своей спиной дверь в комнату.

– Сказать, что меня не устраивает твой тон. Если ты так осмелела, потому что меня рядом нет, то напрасно. У меня есть множество способов достать тебя и там. И не все из них покажутся тебе приятными.

Голос на том конце был глубокий и спокойный. Почувствовав, как немилосердно задрожали колени от этих угроз, я безвольно рухнула на кровать. Черт бы тебя побрал, Кэри. Ты парой слов способен выбить из колеи.

– Сожалею, если мой тон показался вам грубым. Я не хотела, – судорожно сглотнула, перекатываясь на спину и нащупывая в темноте выключатель. Он послушно щелкнул под указательным пальцем, заставляя торшер у кровати залить всю комнату теплым светом. – Я вообще не думала, что ты позвонишь.

– С чего вдруг?

– Не знаю.

Ложь. После того что я выкинула, любой нормальный человек предпочел бы оставить меня за плечами, как страшный сон. Ланкмиллер не был нормальным, и в этом крылся подвох.

– Ну и как ты там, вдали от дома?

– Жива, как видишь, – тихо вздохнула, переворачиваясь на бок. От его постоянной издевки в голосе тянуло сплунуть горечью.

– Для тебя и это неплохой результат. Надеюсь, ты не натворишь там глупостей.

Прозвучало угрожающе, но я все равно не смогла сдержаться усмешки. Ох, если бы ты знал, сколько я этих глупостей натворила за один только день – прикончил бы на месте.

– А то что, отшлепаешь меня?

– Потом, – сладко улыбнулся мучитель. – Почему бы тебе пока не развлечь хозяина... «по-другому»? Я соскучился по твоим стонам.

Я мысленно послала его туда, откуда не возвращаются. Его и его отвратительные пошлые намеки, хотя мы друг друга стоили на самом деле.

– Как ваша рука? – злобно поинтересовалась я, надеясь на худший исход. Намекая на то, что он слишком-то готов к планируемым свершениям.

– Ампутировать не будут, – словно угадав мои мысли, с холодным сарказмом ответил мучитель. – Ладно, ко мне тут

пришли. Веди себя хорошо, – тон резко переменялся на сахарно-елейный, а потом в трубке все смолкло, захлебнулось тишиной после пары гудков.

Я со злости запустила телефон в противоположную стену. Будто рассчитанный на подобные мероприятия, он даже не поцарапался.

Если Алисия и исполнила свое зловещее обещание по «навещанию» меня, то, видимо, будить не стала, потому что я почти сразу же провалилась в сон, и до рассвета он остался нетронутым.

Неправильный сорт шоколада

Я сидела на жестком, ни разу не удобном стуле, по привычке сложив руки на коленях. С самого первого своего появления в бордель-кафе я ненавидела этот кабинет всей душой. Эта ненависть отдавалась в уголках сознания даже теперь, когда мне не нужно было вытягиваться, выслуживаться и трепетно внимать каждому слову директора.

Чейс, к слову, ни капли не изменился, только верхняя губа стала чуть чаще дергаться, когда он раздражался. Проклятый манипулятор, едва что было не по его, сразу же горячо клялся перевести меня на обслуживание в бордель. Теперь, наверное, он был слегка растерян, утратив этот рычажок. Его пальцы, быстро, нервно комкающие салфетку с логотипом «Шоколада», свидетельствовали об отчаянии в поиске новых. Чейс искал. Искал и не находил. Это повергало его в беспокойное отчаяние.

Полагаю, синяки, оставленные ланкмиллерской службой охраны, не так-то давно сошли, а впечатления от них о вовсе хранили перевозданную свежесть. Я подавила смешок, сделав вид, что поджимаю губы. Было странное удовлетворение в том, чтобы осознавать: теперь мое нахождение поблизости вызывает у него нервный тик, а не наоборот.

– Что ж... – каркающий кашель Чейса разбил затянувшуюся тишину, повисшую после моего предложения взять меня на зарплату, – ты сначала поработай месяцок, обзаведись солидной клиентской базой, тогда и будем разговоры разговаривать. А сейчас – кыш, за работу! У меня дел по горло.

Уловка, кристально ясно дающая понять, что денег от него не дождешься, ни через месяц, ни в принципе в этой жизни. Вот старый козел. Я нарочито громко скрипнула стулом, выходя.

– И ведь свободной минуты не выдастся, чтоб поговорить, – сетовала Зои, пока я переодевалась в новую официантскую форму.

Мою старую Ланкмиллер, наверное, сжег.

– Много тут поменялось?

– Да что тут может измениться? Все как всегда, день ото дня одно и то же: похотливые мужики, вечерние запары и блевотина на полу. Я потихоньку начинаю понимать твою тягу исчезнуть от всего этого. Так постыло. Сама-то как?

– Диктуй, чего куда? – оправив юбку, я привычным жестом подхватила поднос. Сделала вид, что настроена очень серьезно и болтать мне некогда.

Но управляющая сейчас может обидеться и поставить мне ночное дежурство. Или по-человечески понять меня.

Зои взяла листок с заказами.

Селедку к восьмому столику, виски со льдом к третьему, сырный суп к пятому. Или виски к пятому? Да чтоб вас всех,

что за беда у меня с памятью?

* * *

Нелегкая работа – официантская.

Под конец дня Зои так устает, что начинает на всех орать, и даже Чейс тогда носа не кажет из своего кабинета, если к тому времени домой не смывается.

– А ну быстро в зал, посетители ждут! А это еще что за гора посуды, если через пять минут не будет вымыто, я вам на голову ее надену!

– Прости, я бы помогла с удовольствием, но у меня приказ возвращаться до темноты, – я виновато опустила глаза, вешая свою форму в шкаф и так разительно выделяясь из окружающей суеты. В «Шоколаде» сейчас как раз самый час пик, а я дезертирую.

– Иди уж, – от меня отмахнулись. – Ты у нас тут на особых условиях.

На улице было уже свежо, с моря тянуло промозглым ветром, предвещая похолодание. Сумерки, напоминавшие чай с брусникой, остывший и выдержанный, скапливались уже по краям неба, заставляя поторопиться. Когда я вернулась домой, зажигались первые фонари.

– Ты совсем не бываешь дома, я беспокоюсь, – Алисия перекатилась на живот и, подперев ладонями подбородок, внимательно, с несвойственной для нее серьезностью глянула на

хлопнувшую дверь и только что вошедшую, изрядно встре-панную ветром, меня.

– Так... складывается... – я замялась, переступая с ноги на ногу, лихорадочно соображая, что ответить ей и почему она вдруг валяется на полу.

Вопросы вроде последнего должны были исчезнуть минут через пять после знакомства, найдя себе простейшие из объяснений. Это ж Алисия, чего тут еще. Но учитывая разбросанные на полу «игрушки» и ее какой-то странный, весьма специфический румянец... Кажется, я помешала чему-то... личному.

– Иди ко мне.

Я бы сочла это приглашение жутким, нашла способ отвергнуть его как-нибудь деликатно и тихо, но мое внимание привлек запах чесночного хлеба с тарелки на журнальном столике. Обеденный перерыв пришлось пропустить в запаре, и теперь есть хотелось так, что подкашивались колени. Поэтому я все-таки подошла. Вернее сказать, подкралась, вызывая у Алисии беззлобную улыбку. Она подвинула ко мне тарелку. Вкус у этой штуки был потрясающий: зелень, сыр, кажется, что-то острое. Он настолько захватил меня в первые минуты, что я не заметила, как к тому месту, где я сидела, подобралась ланкмиллерская сестренка, очнулась, только когда та положила мне голову на колени.

– Сегодня был тяжелый день, да?

– Пожалуй.

Она взяла мою руку в свою, провела по границе пореза кончиками пальцев, легонько, почти не причиняя боли. «Ты не поступишь так с ней», – кажется, Кэри именно это сказал тогда. И он был прав, я бы не посмела.

– Так ничего мне и не расскажешь?

– Нет, наверное, – я растерянно вздохнула в ответ.

Едва только спохватилась, что ответ вышел слишком прямой, как кожи над самым запястьем коснулись губы.

Какая-то невидимая сила, непреодолимая совершенно, заставила меня упереться взглядом в пол, будто бы это было интереснейшее из зрелищ. Мысли предательски стянулись в клубок, и я, не говоря больше ничего – да и не получилось бы сказать – высвободилась аккуратно и пулей взбежала наверх.

Алисия молча проводила меня взглядом.

Телефон был еще холодный с улицы и приятно студил воспаленные ладони. Я минут десять пыталась прийти в себя, гоняла какие-то беспорядочные мысли по кругу, вдыхая соленый воздух из распахнутой форточки. В конце концов мне удалось успокоиться. Глубокое и прерывистое дыхание выровнялось, сознание медленно заполнилось вязкой ленивой тяжестью, отключая меня от мира. Но продлиться этому было суждено недолго.

Из тихого, туманного полусна меня бесцеремонно выдернул настойчивый телефонный звонок. От неожиданности я скинула трубку с кровати неосторожным движением, а потом еще с минуту безуспешно нащупывала ее там, шарясь в

пыли, так что, когда наконец принимала вызов, рассчитывала уже на качественный нагоняй, мысленно проклиная Ланкмиллера за сердечный приступ, который он мне устроил.

Но вместо ожидаемого «Что так долго?» я услышала не менее недовольное:

– Что с голосом?

– Ничего... просто задремала случайно, – сонно объяснилась я, заваливаясь обратно на подушки и ероша волосы.

– Чем занималась весь день? Алисия сказала, что ты дома не появляешься, – глубокий голос заставил вздрогнуть и скривиться от необходимости искать себе слабые оправдания. Он ведь прибьет меня, если узнает, что я вернулась к Чейсу? Прибьет, и к бабке не ходи.

Воцарилось молчание, разбавляемое лишь зловещей трескотней помех в трубке, которую я стискивала так, что, будь она хоть немного более хрупкой, уже б давно смялась, словно жестяная банка.

– Кэри, я... нашла свой старый дом, – призналась в этом, кажется, случайно. Выпала первое, что пришло в голову, и сразу же испугалась.

– Дом? И отца, который...

– Отца я там не встретила, – оборвала, пока Ланкмиллер не успел закончить. Что тут можно сказать, так чтобы не заставить меня чувствовать себя промерзшей грязью с обочины? В сущности, ничего.

– А хотела?

– Все хорошо, ты можешь не делать вид, что тебе есть дело, – уже значительно тише пробормотала я, сворачиваясь калачиком. Как-то потерянно вышло. – Тут причина была в другом – моей памяти. Раньше все было просто белое, как пелена. Теперь мне все кажется, я не могу вспомнить чего-то важного. Думала, пройдет, если навещу, но... Это больше не то место, куда я могу вернуться.

Лежа на кровати, уставившись в кремовый потолок, я вспоминала ланкмиллерский запах. Древесная кора после дождя, мох. Почему он пахнет, как лес, хотя всю жизнь прожил на берегу моря?

– У тебя уже есть дом, – слышалось в трубке после некоторого молчания. Что-то неприятно царапнуло в этих словах. Ложь. В твоём доме я так, прибывшаяся песчинка, листик, который случайно занесло ветром. И это... не совсем то. – Хотя в моём доме не так уж просто. Работы по горло, да ещё этот конфликт с «Зубом».

– У тебя есть кому унять эти печали. Мог бы уделить ей чуть больше времени, вместо того чтобы болтать тут со мной.

– Элен сейчас отбывает наказание.

Я даже отняла трубку от уха на секунду и уставилась на нее гневно. Так, как будто мне подсунули что-то мерзкое. Только не говори, что ты посадил ее на цепь, только не...

– Кэри, ты же не сделал этого? Пожалуйста, скажи, что ты пошутил, – я даже села от удивления.

– Я не шутил. И мы не будем это обсуждать. Ни это, ни любые другие решения относительно моих наложниц, – это был неживой и мрачный голос, которым устанавливают правила, отдают приказы.

– За что хотя бы?

– Да так, решила слегка погеройствовать. Пыталась сбегать. Видите ли, «так безопаснее для нас обоих» ...

– Она пыталась тебя уберечь так, как может. Это твоя вина, что ты не дал ей чувства безопасности, – я ходила по тонкому льду, говоря с ним так откровенно, зная, что выслушивать такое он вряд ли станет.

– Будешь много болтать, исход тебя ждет такой же, – бросили мне довольно холодно, и сразу вслед за этим послышался звонок ланкмиллерского рабочего телефона. – Черт, – раздосадованно вздохнул мучитель. – Ладно, отдыхай, малыш.

Короткие гудки и шевелящиеся волосы на затылке. Меня не перестает выворачивать наизнанку от его идиотских прозвищ.

Вздохнув, я еще раз окинула трубку удрученным взглядом, прежде чем с чувством зашвырнуть в дальнюю стену комнаты. Надеюсь, когда-нибудь я ее все-таки разобью.

5

«Хочешь сказать, ты его наложница?»

Жизнь в «Шоколаде» кипела, как в адском котле: дел было по горло. Казалось, сколько бы Чейс ни нанял работников, все равно какая-нибудь тарелка останется не домыта, картошка не дожарена, а пол не вычищен.

Я хмурилась перед зеркалом в подсобке, разглядывая кожу на шее. Все засосы, которые мне наставил этот урод, окончательно сошли, официантский чокер можно будет скоро убрать подальше. Жаль, что вскрытые вены так легко не заживают.

– Так, а ну хватит у зеркала хвостом крутить! – Зои так хлопнула меня по плечу, что я чуть было это самое зеркало не боднула лбом. – Вот твоя тележка, отвезешь в шестую комнату. Задание ответственное, поручаю только проверенным людям.

Я окинула ее кислым взглядом. Ее и ее столь торжественно представленную тележку, вычищенную до блеска, накрытую накрахмаленной молочной скатертью. Зря они так старались, белый не очень подходящий цвет для случая. В шестую комнату, да? Кажется, это та самая элитная часть борделя для богатых папиков с большими часами. На тарелках

заботливо разложена клубника, черешня всякая в йогурте и шоколаде – утренняя поставка. Даже интересно стало, кто ж так извращается, прежде чем потрахаться.

– Роуз, давай, я знаю, что ты все это дело терпеть не можешь, но работа есть работа. Ты какая-то заторможенная сегодня весь день. Все о Ланкмиллере своем мечтаешь?

Я выдавила хрипкое «угу», принимая поручение от управляющей. Мечтаю, чтоб он сдох поскорее вместе со своими садистскими замашками. Осторожно выкатывая тележку в зал кафе, я все еще его проклинала. Заторможенная, ха. Это Зои еще не знает, что я сегодня чуть было не разбила две тарелки и бутылку дорогущего коньяка.

Все потому, что заснуть удалось только во втором часу ночи. У меня из головы не шло, каково Элен там сейчас, что он почувствовал, когда понял, что может ее потерять, как я ничего не могу с этим сделать, исправить то, что он ломает с такой маниакальной страстью.

При мысли об этом мне самой хотелось бить тарелки.

Я неслышно прикрыла за собой дверь, обитую темным бордовым бархатом со стороны бордельного коридора. Такой материал куда больше бы подошел для того, чтобы обтянуть им гроб. Хотя, в общем, ничто здесь, по эту сторону двери, не было о жизни. Запах секса, тяжелых эфирных масел и дешевых духов. Грязь по углам, эти похабные розовые обои в разводах. Мало кто выдерживал здесь, будучи в здравом уме, многие плотно сидели на игле, хотя Чейс такого и

не поощрял – умирали от этого слишком часто.

Зои хорошо знала меня и мою нелюбовь к этой части «Шоколада». Я действительно ненавидела доставлять сюда заказы. В богатом крыле было чище и уже не так смрадно, зато темнее раза в два, так что шестую комнату пришлось искать чуть ли не на ощупь. И почему сложно лишнюю лампу прикрутить, гребаный скупердяй. Чувствую, скоро я снова начну материться, как прежде.

Меланхолично стукнув в дверь пару раз костяшками пальцев, я ее распахнула без лишних церемоний. Раз заказывали еду, значит, ждите официанта. Но ждать, как оказалось, было особо некому.

Худые плечи вздрогнули, девушка рассеянно обернулась.
– А... я думала, это... – мимолетный страх сменился на ее лице детской растерянностью, и мне тут же захотелось опустить глаза.

Тележка скрипнула, вставая к дубовому столику.

– Вряд ли бы твой клиент стал стучаться, – со вздохом заметила я, оставляя на бархатной салфетке последнюю из тарелок. – Скажешь ему, что заказ у кровати, хорошо?

– Извини, я здесь совсем недавно, всего несколько часов, еще не знаю порядков. Мне даже не сказали, когда у меня первый, ну... сеанс, что ли... – девушка смущенно пожала плечами и уставилась в угол комнаты. – Вздрагиваю тут от каждого шороха.

Новенькая, значит. Как жаль.

– У тебя на двери висит список, там и время, и фамилия заказчика, – я вытащила бумажку из прозрачного пластикового конверта и протянула ей. – Ну вот, уже, кажется, должен был начаться первый, чуть опаздывает.

Я не планировала читать эти имена даже ради праздного любопытства, взгляд скользнул по строчкам поверхностно, совершенно без внимания, но все равно замер на самом вер-ху. Я напоролась на это злосчастное сочетание букв, как на финку, пропустила через себя вместе с воздухом, чувствуя, как медленно цепенею. Отдернула пальцы от этой надписи, и еще несколько секунд мне казалось, что они обожжены.

Там стояла *его* фамилия.

– Что с тобой, плохо? – девочка даже подскочила со своего ложа, кутаясь в покрывало.

– Да уж точно не хорошо, – дрожащими пальцами за-чем-то поправляя передник, я попыталась вздохнуть, уже не чувствуя воздуха.

Кажется, мой конец наступит гораздо раньше, чем пред-полагалось. С усмешкой суицидницы я подняла листок, спланировавший на пол, и снова опустила на него глаза, ле-ляя все еще исполненную идиотизма надежду на то, что эта жуткая фамилия невесть как сотрется, а вместо нее появи-тся другая, чуть менее мерзкая.

Чуда на произошло. Упрямые буквы все еще складыва-лись в до глубины души ненавидимое «Ланкмиллер», вот только... если унять дрожь в пальцах и приглядеться повни-

мательнее, инициалы рядом с ней стояли другие, не как у учителя. «Ланкмиллер Л.».

– Не припоминаю такого, – пробормотала под нос больше для себя, чтобы звук собственного голоса вернул ясность сознанию.

– Может, это потому, что все слишком сосредоточились на Кэри? Ну ничего, наступит и мое время, – донеслось со стороны распахнутой двери, от которой я молниеносно отскочила, словно в коридоре началось стихийное бедствие ужасающих масштабов.

– Знаешь Кэри? – взглянула недоверчиво. На рожу похож. Весь нарядный, прилизанный, будто не в бордель пришел, а на вечерний променад.

– Это мой старший брат. Двоюродный. – Он пояснил это с напускной небрежностью, как факт, который обычно производит серьезное впечатление. Но меня совсем другое в этом ответе заинтересовало. Выходит, он из побочной ветви, той, которой принадлежит «Шиффбау».

– О, так у Амалии есть наследники, – это вырвалось почти случайно, от большого удивления.

Я задела болевую точку, его аж перекосило.

– Детка, поверь мне, я последний, кто может иметь с ней хоть какие-то родственные связи. Через годик закончатся мои мытарства по спецшколам для мажоров, наконец вступлю в наследство, и мы попросим эту дамочку на мороз.

В этот раз перекосило уже меня. Смотрю, уродские про-

звица у них реально семейное. Стало быть, это сынуля дядюшки Кэри от первого брака или что-то вроде того.

– Откуда вообще такой живой интерес к моей персоне и такая паразитальная осведомленность? – он ступил в глубь комнаты. – Ты у нас кто, горничная? В ролевые игры играть будем? Мне нравятся такие комплименты от заведения.

Мне стоило прикусить язык еще в самом начале. Заткнуться на хрен и по-тихому ретироваться с этой проклятой тележкой. При мысли о том, во сколько мне теперь обойдется моя болтливость, хотелось язык себе откусить. Злить кого-то из этой семейки будучи мной – абсолютно не иметь мозгов.

– Я официантка, и мне работать надо, – хмуро пробормотала, отступая все дальше, потому что загадочный Ланкмиллер Л. как-то не думал останавливаться в своем продвижении по комнате, и траектория его не сулила ничего хорошего.

– Куда? – попытка обхода по левому флангу с треском провалилась: меня схватили за плечи и прижали к стене одним рывком, поняла, только когда воздух из легких выбило.

Взгляд краешком зацепил совершенно стихшую от таких страстей девочку, по шею завернувшуюся в простыни.

– Охрану позвать? – зашипела я, пытаюсь вывернуться из хватки. Да, очень убедительно, Роуз, плюс сотку за актерское мастерство. – Таких, как ты, они в участок сдают, – о господи, это было еще хуже.

– Плевать, Кэри меня отмажет, – мне продемонстрирова-

ли снисходительную усмешку, к которым еще обычно добавляют «душка» или «дурочка».

– Угу, скорее размажет за то, что лапаешь его наложниц, – пробубнила я себе под нос.

Эффект был невероятный. Наследник «Шиффбау» отскочил с редкостной прытью, словно от прокаженной, и руки свои убрал. Ясно стало, что его пугает хоть малейший шанс того, что сказанное мной правда.

– Хочешь сказать, ты его наложница? – скепсис появился только мгновением позже, когда заработала голова.

Я еще не успела сообразить, как доказать ему, чтобы звучало убедительнее, как тот снова изменился в лице.

– Припоминаю, что одним из недавних приобретений была официантка из «Шоколада». Любопытно, Кику. – Он окинул меня оценивающим взглядом, сверху вниз. Судя по всему, моя перекошенная рожа во всем и без слов его убедила. – Весомый аргумент, чтоб руки не распускать, – заключил младший Ланкмиллер. – А что ты делаешь в таком месте? Ах, он об этом не знает, рискну предположить, – так растягивал слова, когда говорил, что руки чесались треснуть. Гребаный позер. Ясно, откуда у старшего взялся стереотип о пафосных малолетках. – В таком случае, могу я просить тебя об услуге? О том, что я здесь был, ни слова. В обмен могу предложить то же.

Так его ум посещают здравые мысли время от времени, надо же.

– Идет, – угрюмо согласилась я, хватая тележку. Уже почти возрадовалась чудесному избавлению, как буквально в шаге от свободы мне в спину прилетел вопрос, как камень исподтишка.

– А чего это он так далеко тебя отослал? – младший Ланкмиллер надменно хмыкнул. – Кэри же в Анжи сейчас обретается, я не прав?

Я остановилась, совершенно четко понимая, что стану разглагольствовать на эти темы – потеряю время. Объяснять ему про новую большую любовь и проблемы со «Змеиным зубом» должна не я, а старший братец.

– Сиськи маленькие, вот и отослал! – зло процедила сквозь зубы, выталкивая тележку в коридор, выскакивая следом, пока меня не схватили за руку.

– Издеваешься? – Ланкмиллер подарил мне такой взгляд, какой обычно дарят умалишенным.

– С чего бы?

– Кэри любит маленькую грудь. Он молиться на нее готов, а ты...

Я с размаху захлопнула дверь, не дослушав. Беззвучно материлась еще минуты две, прижавшись к бордовой стенке. Будь проклят этот Кэри со всеми своими фетишами и вагонным составом ужасающих родственников. Я не могу выйти на свет с такой красной мордой – люди не то подумают.

– Ну и как он тебе, Ланкмиллер Лео? – принимая у меня тележку, начальница едва не светилась от любопытства.

– Спасибо за подставу. – Я меланхолично трянула головой, вытирая о фартук вспотевшие ладони. – Это был безусловно очень приятный разговор, посидели почти по-семейному, – подняла голову, встретившись с управляющей глазами. – Шутки у тебя так себе, чтоб ты знала.

Наверняка она наблюдала по камерам за всем, что происходило, но вот как трактовать – не знала, поэтому ее почти сжигала изнутри жажда подробностей. Будь я чуть меньше мертва внутри, наверное, огрела бы ее подносом.

– Да ладно тебе, ну, – это было чем-то вроде извинения, и оно как-то неловко повисло в воздухе, вырвав у меня тяжелый вздох.

По Зои прекрасно видно было, едва ли она представляла, через что заставила меня пройти ради своего любопытства. Ругаться с ней не хотелось.

– Моя смена закончилась. Так что я домой, – сообщила сухо, доставая из шкафа свою одежду, притворяясь, что предыдущего разговора не было.

Начальница с задумчивой подозрительностью воззрилась на меня, а потом только коротко кивнула и ушла в зал кафе, бормоча под нос:

– Ну и страсти...

На улице было холодно, пепельные хлопья облаков наслаивались друг на друга, обещая очередной дождь. Соленый ветер остудил лицо, помог вытряхнуть из головы ненужное и пустое, я подставилась ему, чувствуя, как все медленно воз-

вращается в равновесие, маленький нервный огонек внутри, выжигающий из меня живое, потихоньку гаснет.

И как раз в этот замечательный момент в кармане раздался навязчивый и пугающий до дрожи трезвон мобильного. Он раньше не звонил так рано. Что-то стряслось.

– Ты дома? – раздалось в трубке сразу же, как я приняла вызов.

Ни тебе приветствий, ни «как дела». Похоже, он злой, как черт. Десять чертей, скорее.

– Нет еще, но уже собираюсь.

– Стемнело полчаса назад, где тебя носит?

– Не обвиняйте почему зря, хозяин, – я сделала паузу, чтобы иронично вздохнуть после этой реплики, – еще только смеркается, даже фонари не горят.

– Живо домой.

Может, от порыва ветра, но мне вдруг стало так холодно, что захотелось подышать на руки, растереть пальцы, спрятать в карманах. Взвыть от того, что это не помогло.

– Уже в пути, сказала же, – тихо вздохнула я, – что опять не так? Сорваться не на ком? – помолчав, добавила к этой череде еще один вопрос, не совсем уместный. – Снова неприятности с Элен?

– Как показывает опыт, с человеком, сидящим на цепи, неприятностей минимум. Как этот отыщется, и его на цепь посажу, – в его голосе просквозило что-то похожее на раздраженную собачью усталость. Что-то, что напомнило чело-

веческую черту.

– Ты это о ком? – аккуратно уточнила я, кажется, уже начиная подозревать.

– Сегодня одна мелочь пузатая пропала с радаров. Мой младший брат сбежал из интерната, видимо, решил, что бессмертный. Думаю, ты о нем не слышала в любом случае.

О, уже слышала, дорогой.

– Скажи мне одну вещь. Он ведь наследник «Шиффбау», разве он не твой конкурент в будущем? Что тебе за дело до его перемещений?

– Это не имеет значения, чей он наследник, пока я за него в ответе, – резко отозвался Ланкмиллер. – И если Амалия доберется до него раньше, для него уже вообще ничего не будет иметь значения.

Венка бьется под воротником футболки, во рту сухо, словно с похмелья. Я зачем-то зажмурилась, прежде чем выдохнуть и сказать. Сказать и разрушить наше маленькое соглашение с Лео, которое не просуществовало дольше получаса. Сказать и подписать себе смертный приговор.

– Хорошо, я тебя поняла. Он сейчас в «Шоколаде». И ближайший час пробудет там.

– А ты, разреши осведомиться, что там делаешь? – он уже взял меня на мушку, и это ощущалось даже с такого невыносимого расстояния, когда ты стоишь посреди тротуара, безоружная, под прицелом господского гнева.

Выдохни, Роуз. Все равно придется это сказать.

– Я... я там работаю.

Что, не осилила с первого раза, дыхание перехватило, да? Слабачка.

– Ты... что? – глухо переспросил Ланкмиллер, будто давая мне бессмысленный второй шанс.

У меня не было сил выкручиваться, искать правдоподобную ложь, тут как бы трубку не выронить из дрожащих пальцев. Все-таки я его боюсь. Как стыдно себе в этом признаться.

– Я разношу еду, как раньше. Потому что это все, что я умею, как мы с тобой уже прояснили. Больше ничего. Чейс зарплату обещал повысить, если нормально пойдет.

– М-да... Если жив останется, конечно, повысит, чего ж, – задумчиво вздохнул Кэри, отстукивая пальцами по столу.

Я чуть было не врезалась в скамейку возле цветочного магазина, в итоге упала на нее же, заработав себе синяк. Уставилась в мокрый асфальт, расплывающееся отражение себя и неба. Начался дождь.

– Ясно, значит, все случилось, как я и предполагал, – Ланкмиллер не угрожал мне, его не трясло от злости, но по этому ровному голосу я поняла, что он сейчас ударит сильнее, чем мог бы. – Вот значит, что бы ты стала делать, получив свободу или хотя бы ее часть? Добровольно вернулась в самое мерзкое место города, в этот вертеп? Знаешь, почему к Чейсу не стоит очередь из работников, откуда эта вечная нехватка рук? Он обманывает всех, кто к нему прихо-

дит, не делая исключений. Ты нанимаешься официантом, а потом понимаешь, что постепенно погряз в таких долгах и штрафах, что по гроб жизни обязан этому злчному заведению и уже записан, как его собственность. Тейлор этого не сделает с тобой, пока ты под моим покровительством. Но в ином случае, ты бы уже отправилась мыть полы. Или обслуживать мужиков в бордель. Это был бы печальный исход, но вполне заслуженный для такой безответственной дурочки, плевавшей на свою безопасность и жизнь. Ты была уверена, что сможешь еще жить ее по-человечески, но ты разучилась, Кику. И разучилась задолго до того, как мы с тобой встретились.

Каждое его слово жгло так, что не оставалось сил оценить, какие из них были правдой. Меня словно наполняли расплавленным металлом, точно пустой сосуд. Застываешь, и в тебе не остается ничего твоего, кроме этой боли. Застываешь и превращаешься в ожог.

– Я... н-не...

А что «не»? Неправда? Я замолчала, чувствуя, что дрожат губы. «За что ты так со мной?» – я это хотела спросить. Но упрекнуть мучителя было не в чем, кроме излишней прямоты. Так люди не общаются друг с другом, будто оголенные провода.

– Нечего сказать, да? – Ланкмиллер осведомился устало, без своего долбаного ехидства, и, прежде чем отключиться, после недолгого молчания отдал короткий приказ: – Домой.

Сейчас же.

Жмурясь от коротких гудков, я отняла трубку от уха, едва удерживая ее в ослабших пальцах. Эта снисходительность режет хуже ножа.

Тихий ужин с Алисией протекал в молчании, только звуки грозы снаружи и скрежет вилки о фаянс. Я почему-то даже дышать боялась. Украдкой поглядывала на хозяйку дома и тут же опускала глаза. Рыжая и живая. Мое присутствие действовало на нее удручающе, приносило эти раскаты грома снаружи в дом, и в нем больше не было так светло.

– Что-то произошло? – оставляя тарелки в раковине, она спросила это мимолетом, будто просто для разговора.

– Нет, у меня всегда такое лицо, будто кто-то сдох.

– Кику, иди сюда, – она вдруг прижала меня к себе, больше не спрашивая ничего. Так крепко, будто боялась, что я исчезну. Порывистое движение, выбившее почву из-под ног, заставившее дышать глубоко и часто. Заставившее почувствовать.

Удивительно домашний запах корицы и имбиря, человеческое тепло. Ты такая хорошая, Лис, жаль, что ты даже не знаешь моего имени.

Думала, что засну сразу же, как голова коснется подушки. После рабочего дня обычно так и происходило. Только не в эту ночь. Эти дрянные мысли словно застряли в голове ко-

льями, причиняя все больше боли, и я не могла избавиться от них, гоняла по кругу, пока не начало тошнить. Ну подписал бы он мне вольную – куда бы я пошла, в самом деле, если не в «Шоколад»? Ничтожный винтик в системе, без гроша за душой, замкнутый в петле собственных неудач, не умеющий ничего.

В полумраке я разглядывала свои запястья. Так поразительно пусто на душе, как было в тот раз. Ход мысли приобретает не слишком приятный оборот. Я зачем-то нащупала в кармане трубку нервным дерганым движением. И сама не поняла, как это получилось.

– Да? – нехитрая комбинация клавиш и этот проклятый голос.

– Ты не спишь?

– Нет пока. У тебя что-то важное?

И что мне ему ответить? «Нет, я просто боюсь, что сделаю с собой что-нибудь от отчаяния»?

«Нет, я хочу, чтобы ты меня успокоил»?

«Нет, я...»

– Нет, просто уснуть не могу.

– Планируешь предложить спеть тебе колыбельную?

– А ты бы мог?

– Тебе не понравится.

Ланкмиллерский голос приобрел те тягучие, полухищнические интонации, которые обычно проявлялись, когда он планировал затащить в постель.

Я без особой радости уставилась на мурашки на своей руке.

– Да, наверное... – перевернулась на бок, прижавшись щекой к подушке, переводя взгляд на матовые цветочки на стенах, едва различимые в темноте. – Как с братом? Нашелся?

– Нашелся по твоей наводке. Спасибо.

О, так мы умеем быть благодарными. Я обреченно прикрыла глаза, вызывая в памяти его холодную усмешку. Такая наверняка появится сейчас, когда признаюсь в своей беспомощности.

– Знаешь, я хотела спросить тебя...

«Что мне делать со своей жизнью?», что мне делать со своей жизнью, чтобы она не разваливалась на части. Ты же у нас все знаешь, мать вашу. Ты же строишь из себя того, кто держит все под контролем. Так помоги мне.

В трубке повисла тишина из-за моей заминки. И именно в эту случайную паузу я отчетливо уловила голос Элен на заднем плане. Мне будто пощечину отвесили, приводя в чувство. В первую очередь стоит послать к черту себя и свои нелепые звонки посреди ночи. Ланкмиллер отправил тебя сюда, потому что хотел избавиться от проблем, а не чтобы выслушивать дурное подростковое нытье по телефону. Так что возьми себя в руки и прекращай.

– Я, видимо, отвлекаю. Тебе стоило сразу сказать, прости.

Я резко сбросила вызов, не дав Кэри возможности ответить, и отшвырнула телефон в стену, словно тот был про-

клят. Мобильник отскочил и, к величайшему сожалению, все-таки не вылетел в распахнутое окно.

Чтобы вставать и специально его выбрасывать, сил решительно не хватало.

6

Обнаженный нерв

Постепенно все волнения улеглись, и дни потекли за днями спокойно, без происшествий и тревог, как когда-то давно.

И каждый следующий был смертельно похож на предыдущий. Так смертельно, что я в них понемногу запуталась. Бордель-кафе, встречи со старыми клиентами, звон чаевых в кармашке передника, чудом не разбитая бутылка вина, подзатыльники от Зои и завтраки с Алисией, часто протекавшие в молчании. Вернее, рыжая-то трещала без умолку, я просто не знала, что отвечать, и в глубине души чувствовала себя виноватой, что ей в одиночку приходится заполнять эту пустоту.

Многое, вплоть до покрасневших от чистящего средства рук, невероятно напоминало мне предыдущую жизнь. Ту, которая оборвалась случайно и несчастно, едва Ланкмиллеру стоило сунуть в нее свой нос. Оборвалась, чтобы никогда не начинаться вновь, и вот как-то сама собой началась. Я не знала, хорошо это или плохо. Все попытки наконец определиться были мучительными, так что я предпочитала их избегать.

Ланкмиллер больше не звонил с тех пор, и, видимо, вообще забыл о моем существовании. Алисия во всяком случае

не выказывала явных признаков беспокойства, из чего я сделала вывод, что хозяин пребывает в добром здравии, просто потерял ко мне интерес. Может, это и к лучшему, что он наконец исчез из моей жизни. По крайней мере, так она стала гораздо спокойней, без потрясений и драм.

Так я думала, пока однажды забытый уже мобильник отозвался в кармане передника короткой глухой вибрацией, заставляя судорожно хвататься за ткань, соображая, какая часть тела у меня сейчас отваливается. Когда случайно нащупала его, поняла, что дело вовсе не в том, что я помираю. Пока доставала, в глубине все еще надеялась, что это какая-нибудь рекламная спам-рассылка, но судьба была непреклонна, как и всегда. На экране высветилось сообщение:

«Атлантик, 1423, 13:30 завтра».

Я усмехнулась мысли, что это самый короткий и емкий приказ из всех, что я получала. Отель «Атлантик» был расположен через две улицы от «Шоколада», 1423 – судя по всему, номер комнаты, в которой он будет ждать. Что ж, видимо, это значит, что Ланкмиллер вернулся в Шель. Хотя это и не объясняет, с чего ему вдруг назначать свидания по отелям при таком шикарном особняке. Впрочем, все это неважно по сравнению с тем, что мне придется вновь увидеть его, дышать с ним одним воздухом, существовать в одном пространстве, действующем гнетуще. Это никогда не заканчивается хорошим.

Я сунула мобильник обратно в карман, чувствуя, как во

рту становится кисло, а на душу опускается такая тяжесть, что, кажется, слышно, как трещит позвоночник.

Море было неприветливым в тот день, непрозрачная черная вода, волнующаяся перед штормом, даже чайки попрятались. В кафе только и разговоров о том, что сезон дождей в этом году затянется.

Я вдохнула и резко выдохнула. Конечно, совесть была мне мало свойственна, но все-таки отпрашиваться в разгар рабочего дня – да еще и, как назло, донельзя загруженного, – было не самой приятной штукой. С тоской оглядывая полный зал, я прижимала поднос к груди – если не подзатыльник, то пару взглядов, бьющих не менее метко, я точно получу за свои выкрутасы. Впрочем, какая уж теперь разница.

О том, что о визите мучителя давно известно, сказала мне сама Зои. Точнее, это по случайности вышло.

– Роуз, глянь, сегодня в одиннадцать часов это открытие завода было, – управляющая втащила меня за руку в подсобку. – Хорош же?

– Кто, завод? – без энтузиазма пробормотала я, спотыкаясь о коробку с какими-то то ли печеньями, то ли весьма своеобразными шоколадными лебедями.

– Да нет, – раздраженно отмахнулась Зои, щелкая пальцем по экрану. – Я вообще-то про Кэри.

– А по-моему, не очень, – я присела на вертящийся стул специально, чтобы к монитору быть лишь в пол-оборота. –

Ты используешь рабочий компьютер, чтобы пялиться на мужиков?

И как она только отслеживает его, Ланкмиллер непубличная вроде персона.

– Мы его почти и по назначению-то не используем, пусть хоть так, нечего мне тут, – управляющая снова обратила свой взор к томно мерцающему монитору и твердо констатировала: – Обожаю мужчин в костюмах.

– Ага, а еще лучше без костюмов, – передразнила я, краем глаза кося в монитор, где обретался Ланкмиллер во всей своей красе и окружении каких-то презентабельных деловых мужиков, местами лысых. И тут мне от него не скрыться, ну что за напасть.

И так сегодня целый день душа не на месте. Будто холодно. У Кэри острые глаза, в них сухая трава, металл, стекло, наждачная бумага. На моей памяти они бывали красивыми только тогда, когда он смотрел на Элен. В них просыпалось и ширилось большое тепло, будто сама жизнь.

– М-м, Зои... раз уж мы заговорили о Ланкмиллере... В общем, он назначил мне встречу сегодня, в половине второго. Придется отойти. Не знаю, насколько.

– О, так он еще не совсем забыл о твоём существовании? – она удивленно, немного игриво приподняла бровь.

– К сожалению.

– Иди, – пожала плечами Зои, – отработаешь, когда вернешься.

Значит, по приблизительным расчетам, я вернусь домой только после полуночи. Что ж, ближе к вечеру здесь гостей будет еще больше, для управляющей это выгодная сделка. Зои своего не упустит.

Я потерянно огляделась и выскользнула из подсобки.

«Атлантик», построенный больше века назад, приковывал к себе взгляды, тут не заблудишься, свернув не туда, не пройдешь мимо, когда пункт твоего назначения видно почти из любой точки города. Знающие люди говорили о нем исключительно с придыханием. Я не успела переодеться из официантской формы и теперь жалела об этом, потому что не вписывалась в здешние интерьеры и этим привлекала к себе внимание.

Хотя стоя на четырнадцатом этаже у двери с номером 23, я беспокоилась о другом.

За то время, пока Ланкмиллер отсутствовал в моем мире, сознание развоплотило его, превратило в эфемерное гипотетическое существо, мало общего имеющее с реальностью. Он казался таким далеким, какими обычно кажутся люди, о существовании которых мы лишь слышали, но никогда с ними не встречались. Теперь же мне предстояло почувствовать его осязаемость всем живым, что еще осталось во мне. И это немного выбивало из колеи.

На выдохе я резко нажала ручку, толкнула дверь, оказалась внутри даже быстрее, чем это поняла. Кэри сидел на

кровати лицом к двери, так что выскочить обратно и попробовать еще раз, более грациозно, не пробовать вообще – все это не слишком мне подходило. Пришлось остаться, хотя я напоролась на него, как на нож.

– Ты опоздала на пять минут.

– Прошу простить мне мою непунктуальность, господин Ланкмиллер, – ирония вышла уж слишком едкой, мне бы язык прикусить.

– Что с лицом?

Пришлось снова прятать усмешку, уставившись в пол. Возможно, я представляла мучителя куда более грозным, чем он являлся на самом деле. На все случаи жизни только два вопроса: «Что с голосом?» да «Что с лицом?»

– Да я тут, видите ли... страдаю от несчастной любви к одному красавчику-морячку, который сегодня намылился в дальнее плавание. Мне вроде как от этого грустно. Ноет где-то вот здесь, – я положила ладонь на сердце, от всей души наслаждаясь своей дешевой актерской игрой.

Интересно, если Ланкмиллер примет это за чистую монету, он меня прибьет? И по факту несуществующего морячка найдет и – тоже?

Но Кэри в ответ насмешливо фыркнул.

– От тебя кто угодно намылится в дальнее плавание. Я вообще сильно сомневаюсь в твоем умении любить.

– Когда-нибудь ты прекратишь говорить мне такие вещи и тебя инфаркт хватит, – огрызнулась я зло и тихо. – Если

мне крышу не срывает конкретно от тебя, от всех твоих родственников, от твоих ошейников, это еще не значит, что мою способность на теплые чувства надо ставить под сомнение.

– Ты когда-нибудь любила? – он задал этот вопрос в лоб.

– Нет. Зачем ты спрашиваешь вообще?

– Подумал, может, ты хотя бы знаешь, как это.

– Любовь не делает тебя особенным, Кэри, она не делает тебя хорошим.

– Вполне может быть.

Наш маленький обмен любезностями прервался, и только тогда я наконец собралась настолько, чтобы взглянуть на мучителя хотя бы искоса. Взглянуть и вдруг обнаружить себя в смятении. Было в нем что-то тревожащее, такой отпечаток усталости, которого я не видела раньше. Как будто за ним стояли бессонные ночи, бесчисленные бутылки виски, может, даже сигареты под утро и мысли, словно сухая трава, килотонны не дающих покоя смыслов и мелочей. Видимо, локальное противостояние с «Зубом» проходило не очень. Может, потому Кэри и пропал.

Ух, господин Ланкмиллер, это мне впору спрашивать, что с лицом.

– Расскажешь, зачем я здесь? – прошла к нему и остановилась рядышком у кровати.

– Хотел поболтать насчет твоего поведения.

– Ну, полагаю, хорошей наложницы из меня не выйдет. Но все же хотелось бы знать, что не так.

– Я мог бы начать перечислять еще от самой Виктории, но уже то, что ты стоишь передо мной в этой форме, прекрасно отвечает на твой вопрос. Кстати, сними ее. Одежда тебе не понадобится для этого наказания.

– Отшлепать меня собрался? – по губам скользнула безрадостная усмешка.

– Какая пронизательность.

Меня словно кипятком окатило изнутри. Внезапно с поразительной ясностью пришло осознание.

Он не шутит.

– Ну, хорошо, – расстегивая верхние пуговицы официантской формы, я все еще пыталась храбриться. – Если тебе так будет легче...

– Тебе так будет легче, – оборвал Кэри.

Тогда я не поняла, что он имел в виду, но пальцы все равно задрожали от звуков ланкмиллерского голоса, и от этого управляться с пуговицами стало сложнее.

Уйми прерывистое дыхание, отстегни передник, прекрати пялиться на его руки. Это гораздо сложнее теперь, когда он завернул рукава.

Кэри не мог знать, что я думала об этом, он ведь еще не читает мысли. Хотя иногда кажется, что читает.

Сознание начало подтаивать по краешку, потекло как расплавленный шоколад. Следом настигла слабость в коленях. Форма соскользнула к ногам, и я неуверенно переступила, ожидая приказаний, чувствуя, как сердце в груди заходится.

Он подозвал меня жестом, уложил поперек коленей. Обнаженной кожей я ощущала ткань его брюк, любое прикосновение было словно удар током, я вздрагивала от каждого.

– Расслабься, я даже еще не начал, – этот спокойный и покровительственный тон только глубже столкнул в вязкий тягучий хаос, затопивший мое сознание.

Ланкмиллер сейчас не обвинял и не издевался, он наблюдал. Ладонь огладила кожу, вслед за этим последовал короткий отрывистый шлепок.

– Ай, – я вздохнула скорее от неожиданности, больно не было, он специально так рассчитал удар.

Второй и третий тоже были разогревающими, с небольшим перерывом. Следующий шлепок опустился на кожу уже ощутимо. Я закусила указательный палец, оставляя на нем отметины – небольшая передышка – потом опять: сериями по пять-семь ударов. Постепенно мне удалось подстроить дыхание под этот ритм. Обнаженная кожа горела под ланкмиллерской ладонью, но боли не было. Ее словно уносило потоком беспамятства и тепла. Воздух, густой и сладкий, как березовый сок, наполнял легкой необъяснимой дрожью, и я поймала себя на том, что перестаю соображать.

Сознание становилось медленным, отрешенным, и я смотрела на мир глазами, подернувшимися дымкой. Так, словно все осталось настолько далеко позади, что перестало иметь значение.

«Тебе так будет легче».

Вот, значит, что ты хотел сказать.

Меня рывком переложили на кровать. Кэри дернул вверх бедра, заставляя принять коленно-локтевую. Я глухо ойкнула, уткнувшись лицом в подушку. Ох, не уверена, что смогу поддержать эту его идею в таком состоянии. Прикосновения вдруг исчезли с кожи, оставляя за собой ощущение неуютной уязвимости. Попытка позвать мучителя обернулась неразборчивым несчастным мычанием.

– Все хорошо, ты молодец, – Кэри тут же вернулся ко мне, погладил по обнаженной коже.

Здорово, что он хоть что-то понимает, потому что у меня словно алкоголя внутри больше, чем крови, и я не соображаю ничего.

Ладони легли на бедра, я почувствовала его жар так близко, что чуть не захлебнулась воздухом.

– Ты готова, солнце?

Несмотря на свою видимую обычность, это был совсем уж смущающий вопрос, словно довершающая вишенка на торте.

Само собой, Ланкмиллер не получил на него вразумительного ответа, и это его совершенно не устроило, поэтому в следующий миг меня легонько притянули за волосы.

– Кику?

Сдавленное «угу» в подушку. Ланкмиллер склонился ко мне, его нажим усилился.

– Не слышу, – над самым ухом.

– Да... – почти всхлипнула я, понимая, что колени едва держат сейчас.

– Да? – требовательный и хриплый голос. Дыхание на разгоряченной коже.

– Да, хозяин, – судорожно комкая пальцами покрывало, выдохнула я.

Это было то, чего он так старательно добивался и чего никто из нас не ожидал. Ланкмиллер в следующее мгновение натянул меня так, что даже искры из глаз посыпались.

Тело отреагировало мгновенно, я бесстыдно выгнулась, только еще сильнее насаживаясь на его член.

Не то что бы я совсем не думала о Кэри за все эти дни, пока он не давал о себе знать. Иногда мысли навязывались сами, приходили ближе к ночи и совсем не туда уводили меня. Это довольно часто заканчивалось сбитым дыханием и пылающими щеками. Но ни один из тех образов не мог сравниться с тем, что Ланкмиллер представлял из себя в реальности. Его тяжесть, запах, ритм, который он задал, – все это рождало новый уровень наслаждения, острее и безумнее, чем раньше. Такого, будто мы вообще перестали быть людьми.

Первое, что чувствуешь, приходя в себя, – холод.

Ланкмиллер уже куда-то опаздывал и теперь спешно пытался привести себя в порядок перед огромным зеркалом чуть поодаль. Наша встреча незапланированно затянулась.

– Прости, был немного грубым, – он видел меня в зеркало, завернувшуюся в покрывало и сонно наблюдающую за ним.

Я скривилась. Что это вообще за извинение такое, от него веет дешевой приторной мелодрамой. Мальчишкам вроде Кэри такие игры не к лицу.

Проследив за ланкмиллерским взглядом, наткнулась на отметины на бедрах от его пальцев. Наверняка останутся синяки.

– А когда ты со мной не бываешь грубым? – безучастно пожала плечами.

Кто бы еще сказал ему, что кончать в меня в середине рабочего дня – идея не очень.

– Ванная там, – видимо, я вслух об этом ворчала, потому что он кивнул в сторону двери.

– Угу.

Привел в порядок волосы небрежным движением, одернул воротник, и уже ничто в нем не напоминало о том, что произошло между нами каких-то минут пять назад. Почему-то подумалось, что, если бы не гарем, Ланкмиллер бы обязательно изменял жене, а потом вот так же стоял бы у зеркала, приводя себя в порядок парой легких движений.

– Кстати, почему ее нет?

– Кого?

– Я имею в виду... почему ты до сих пор не женат?

– Еще не нашел ту самую, с которой хотел бы связать себя узами брака, – отвечая, мучитель завел глаза к потолку.

Это была дежурная отбивка, ширма, не имевшая за собой никакого смысла. Видно, его часто об этом спрашивали, и

вопрос этот он не любил.

Я уже открыла рот, чтобы напомнить ему про Элен, но проглотила эту реплику вместе с воздухом. Статус жены делает Райт еще более уязвимым местом, чем она есть сейчас, превратит в ходячую мишень.

Вот почему.

Выходит, это не самая завидная доля, быть главой семьи Ланкмиллеров. Разгребать дела отца, отбиваться от наложниц, к доброй половине из которых ты холоден, как айсберг, и одному вести эту огромную фирму с полной уверенностью, что за малейший промах в лучшем случае ты поплатишься только своей собственной головой.

К слову о ненужных наложницах... Он ведь уже вернулся на родину, но непохоже, что хочет видеть меня в своем особняке, раз встречаемся мы в отелях.

Что ж, я с самого начала не слишком-то вписывалась. В такие дома, как его, отбирают лучших в своем роде, и девочке из борделя там не место.

– Почему ты просто не отпустишь меня? – брякнула случайно, но успев вовремя прикусить язык.

– Сразу столько неприемлемых вопросов, – вот теперь он перестал вылавливать меня в зеркале, обернулся лицом, складывая руки на груди. – Потому что мои решения не обсуждаются. Продолжишь донимать меня этим, я продам тебя обратно в твой любимый «Шоколад». Уяснила?

– Уяснила, – хмуро буркнула я.

– Вот и славно.

Кэри вышел, даже не закрывая за собой дверь.

Приговор, ломающий надвое

Ланкмиллер снова пропал из моей жизни, будто его и не было. Прямого приказа покинуть «Шоколад» он не давал, и я воспользовалась этим, продолжив носиться там с засаленными медными подносами. Если мучитель и впрямь забудет о моем существовании, нам обоим будет только легче: я смогу рано или поздно достать поддельные документы и исчезну из города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.